

18+ Владимир А. Паутов

ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО

Дилогия. Часть первая. КОРИДОР ВРЕМЕНИ

Владимир Паутов

**Гости из будущего. Дилогия.
Часть первая. Коридор времени**

«Издательские решения»

Паутов В. А.

Гости из будущего. Диалогия. Часть первая. Коридор времени /
В. А. Паутов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609015-6

Руководство гитлеровской Германии на всём протяжении существования Третьего рейха всегда уделяло самое пристальное внимание эзотерическим знаниям, щедро финансируя данную отрасль знаний. Гитлер своей главной задачей считал установление контактов с внеземными цивилизациями и поиск артефактов, обладание которыми могло бы кардинально изменить ход всей мировой истории.

ISBN 978-5-00-609015-6

© Паутов В. А.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Вместо пролога	7
Глава первая	19
Глава вторая	23
Глава третья	26
Глава четвёртая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	43
Глава седьмая	45
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гости из будущего. Диалогия Часть первая. Коридор времени

Владимир А. Паутов

Моему отцу, офицеру Великой отечественной, посвящая.

© Владимир А. Паутов, 2023

ISBN 978-5-0060-9015-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-9016-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

Уважаемый друг! Прошу обратить внимание на то, что данное произведение есть плод моего воображения. Многие персонажи романа являются вымышленными, поэтому любые совпадения с какими-либо нынешними персоналиями носят случайный характер.

Автор

Вместо пролога

ГЕРМАНИЯ. 1941 ГОД. 22 ИЮНЯ. БЕРЛИН —
ВЕСТФАЛЕН – ПАДЕРБОРН – ЗАМОК ВЕВЕЛЬСБУРГ

Было раннее и тихое воскресное июньское утро. Берлин только начинал просыпаться, когда по его центральной улице на большой скорости промчались два чёрных автомобиля. Один из них, находившийся в голове эскорта, был длинный чёрный «Хорьх». С блестящими передними красивого обвода никелированными крыльями он эффектно смотрелся в лучах утреннего солнца. За ним, почти вплотную с бампером, следовал такого же цвета «Мерседес». Машины быстро выехали за пределы города и устремились в сторону военного аэродрома, расположенного в двадцати километрах от столицы Третьего рейха.

В просторном салоне «Хорьха» на заднем сиденье, обтянутом дорогой выделки кожей, неподвижно, словно манекен, сидел человек. Белые, тонкие, почти девичьи руки, с четко просматривающимися голубыми жилками были сложены на груди. Он был немного бледен, именно поэтому на его лице под прямым, правильной формы носом отчётливо выделялись тёмные подстриженные усы. Из-под чуть узковатого лба через поблескивающие стекла пенсне смотрели серо-голубые чуть водянистые глаза. У сидевшего в машине человека были почти бескровные и очень тонкие губы. Кожа на шее, густо покрытая множеством мелких морщин, выглядела немного дряблой. Хотя пассажир сидел неподвижно, устремив в одну точку свой взгляд, но иногда в уголках его рта появлялась едва заметная, то ли ироничная, то ли презрительная усмешка, при которой даже в полумраке салона было хорошо видно два ряда ослепительно белых зубов. Эта ухмылка оживляла на какое-то мгновение его застывшее, словно вылепленное из воска, лицо.

Всем своим внешним видом пассажир «Хорьха» походил на интеллигентного учителя сельской начальной школы. Так можно было подумать, если бы не роскошная машина, на которой он передвигался, его чёрная идеально пошитая униформа, и особенно погон с тройным плетением из двойной серебряной нити и петлицы с тремя дубовыми листьями в дубовом же венке. Однако люди мало-мальски сведущие в иерархической системе Германии сразу бы поняли, что в чёрном автомобиле едет не простой чиновник, а принадлежащий к высшей государственной элите, так как все вышеперечисленные атрибуты власти могли принадлежать только единственному человеку в Германии, а именно Генриху Гиммлеру, рейхсфюреру СС, одному из самых могущественных людей Третьего рейха, считавшегося правой рукой самого Адольфа Гитлера.

Рейхсфюрер, хотя и старался внешне не выражать никаких эмоций, но внутренне очень волновался. Сегодня, 22 июня 1941 года, был весьма знаменательный день, который по праву должен считаться величайшим в истории нового германского государства. На вчерашнем совещании в рейхсканцелярии фюрер немецкого народа назвал нынешний день «началом эры новой Германии». И это действительно было так. Но Гиммлеру сейчас вспоминалась совсем другая дата – 23 августа 1939 года. Именно тем летом рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп подписал в Москве пакт о ненападении. Адольф Гитлер после получения от своего министра сообщения о том, что Иосиф Сталин в соответствии с этим договором получил возможность присоединить к СССР не только Литву, Латвию, Эстонию, Западные Белоруссию и Украину, но и Бессарабию, которая исторически никогда не входила в состав царской России, буквально впал в припадок неукротимой ярости.

– Я не могу понять! Это же не мыслимо! Когда наши солдаты героически сражаются в Польше и гибнут во имя Германии, в это время Сталин без единого выстрела, без единой жертвы прибирает к рукам чуть ли не четверть Европы. Это – коварство большевиков! Они

вновь обвели нас вокруг нашего же носа! До каких пор будут унижать Германию? – кричал фюрер на своих ближайших соратников, которые, не смея прервать вождя, молча, сидели за огромным круглым столом в кабинете Гитлера. Никто не осмеливался высказать хотя бы какое-то возражение, ибо говорил народный вождь. – Я ваше молчание воспринимаю как одобрение действий Сталина! – внезапно тихим голосом и весьма угрожающим тоном сказал фюрер.

Гиммлер хорошо помнил, как после этих слов побледнел Геббельс, а любимец германского народа Геринг из-за страха втянул голову в плечи, Гесс сидел, словно окаменев, Борман боялся смотреть в глаза фюрера, да и сам Гиммлер здорово перепугался этой внезапной смене в поведении вождя. Рейхсфюрер тогда даже сам не понял, как осмелился открыть рот, но, тем не менее, он своей короткой фразой буквально разрядил обстановку.

– Мой фюрер, – пролепетал Гиммлер, – мы и наши храбрые немецкие солдаты скоро вернём все эти земли себе!

Услышав слова рейхсфюрера СС, Гитлер вперился своим пронзительным взглядом в Гиммлера. Тот не выдержал столь пристального внимания к себе и опустил глаза, почувствовав, как по его спине побежала тонкая струйка холодного пота. Гиммлер буквально одеревенел.

– Молодец, Генрих! Вот – истинный ответ солдата и немца! – восторженно прокричал вождь Германии.

Гиммлер улыбнулся этим воспоминаниям, так как его слова практически оказались пророческими. Он бросил взгляд на свои наручные часы. Обе стрелка приближались к цифре шесть. Вот уже два часа, как самолёты Люфтваффе наносили массированные удары по советским аэродромам, местам сосредоточения войск, армейским штабам, складам боеприпасов и продовольствия, узлам связи, железнодорожным станциям и прочим важным объектам большевистской России. Бомбардировкам также были подвергнуты крупные советские города, такие как Киев, Минск, Таллин, Рига, Одесса, Севастополь и многие другие.

В это же самое время тяжёлая артиллерия германских сухопутных войск сметала прямой наводкой погранзаставы и перемешивала с землёй позиции частей и подразделений Красной армии, оборонявшихся в передовых укрепрайонах первого эшелона. После непродолжительной артподготовки и ударов с воздуха три группы немецких полевых армий, перейдя государственную границу СССР, устремились своими танковыми и механизированными дивизиями вглубь страны, сокрушая всё на своём пути. С фронта уже начали поступать победные репортажи о том, что группа армий «Север» под командованием генерала фон Лееба успешно ведёт бои в Советской Литве.

Буквально полчаса назад фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», доложил, что его войска, не смотря на упорное сопротивление русских, успешно развивают наступление в направлении Минска, который будет захвачен точно в срок, определённый планом «Барбаросса». После захвата столицы Советской Белоруссии армии фельдмаршала фон Бока должны были нанести сокрушительный удар по главному городу большевистской России – Москве, и окружить город с юга и севера, штурмом захватить и, тем самым, завершить разгром Красной армии. Гитлер был так уверен в своей скорой победе, что даже успел разослать союзникам приглашения с предложением принять участие в военном параде, который он собирался провести в Москве в честь успешного завершения «молниеносной» войны на Востоке. Вот такие грандиозные события начали разворачиваться с 4-х часов утра на Восточном фронте.

Машина с рейхсфюрером, тем времен, прибыла на аэродром, где на взлётной полосе шефа СС ждал самолёт. Гиммлер вышел из автомобиля и быстро зашагал к трёхмоторному «Юнкерсу», около которого выстроился экипаж. Рейхсфюрер вскинул руку в партийном приветствии и ловко взбежал по траппу в самолёт. Погода была прекрасная, и потому полёт обещал быть спокойным и недолгим.

Самолёт вырулил на взлётную полосу, взмыл в воздух и взял курс в направлении западной части Германии, а точнее в район Северный Рейн-Вестфалия, где в южных окрестностях небольшого городка Бюрен находился замок Вевельсбург.

Рейхсфюрер сидел в мягком кресле и смотрел в иллюминатор. Он не любил летать, но сегодня утром ему позвонил лично фюрер.

– Генрих, – услышал Гиммлер в телефонной трубке торжественный голос Гитлера, – сегодня в 4 часа утра войска вермахта перешли границу большевистской России. Мы стоим на рубеже судьбоносных событий. Германию и немецкий народ ждут великие дела. Я же, как вождь, творящий новую историю, просто обязан со всех сторон взвесить степень выполнимости этой грандиозной программы в каждый данный момент, чтобы с возможно большей ясностью показать самую её суть. Это значит, что мне должно больше думать о самой цели, нежели о пути к этой цели. Именно поэтому Генрих, Вам надлежит завершить, как можно быстрее, работы над проектом, о котором мы говорили. Я должен точно знать своё будущее, пророчества слишком туманны и обтекаемы, мне нужны более весомые результаты для того, чтобы привести Германию к победе и создать тысячелетний рейх.

Гиммлер, волнуясь и оттого немного заикаясь, заверил фюрера в скором успехе проводимых исследований. Он не мог объяснить себе своё чувство панического страха перед Гитлером. В то время как перед всемогущественным рейхсфюрером СС в буквальном смысле все дрожали и трепетали, но сам Гиммлер, когда с ним разговаривал, Адольф Гитлер, начинал так сильно волноваться, что порой терял дар речи. Фюрер знал об этой слабости своего подчинённого и считал, что такое поведение вполне нормальным, ведь Гитлер видел в себе не только мессию, несущего миру новый порядок, но и обладателя мистическим даром и магическими способностями.

Гиммлер всегда ловил себя на мысли, что фюрер завораживал его, как завораживал десятки и сотни тысяч своих сторонников, выступая на партийных съездах в Нюрнберге. Если сказать, что все немцы, от мала и до велика, любили Гитлера, значило, ничего не сказать. Немцы его боготворили. Рейхсминистру СС много раз приходилось видеть, как с трепетом и восторгом встречали жители Берлина торжественную процессию, когда фюрер на автомобиле проезжал по улицам столицы в дни празднеств. А в день открытия Олимпийских игр весь стадион, стоя, вначале громом аплодисментов и затем рёвом десятков тысяч голосов приветствовал своего обожаемого вождя. Гиммлера так не любили и никогда не встречали, а потому он панически боялся потерять расположение к себе признанного вождя Германии. Рейхсминистр прекрасно знал, что происходит с людьми, которые теряли доверие фюрера – в лучшем случае они оказывались в концлагере.

Рейхсфюрер СС вновь посмотрел на часы. Было без двух минут семь. Гиммлер включил радиоприёмник, так как ровно в 7 утра по немецкому радио должен был выступить с обращением к народу Германии Адольф Гитлер. В приёмнике стояла тишина. Голос вождя раздался вдруг и неожиданно. Шеф СС даже вздрогнул. Гиммлер покрутил ручку громкости. Он любил яростные и буйные выступления фюрера.

«Обременённый тяжёлыми заботами, обречённый на месяцы молчания, я, наконец, могу говорить свободно. Германский народ! В этот момент идёт наступление по своему масштабу сравнимое с величайшими сражениями, которые когда-либо видел мир. Сегодня я снова решил вручить судьбу и будущее рейха и нашего народа нашим солдатам. Я освобождаю их от химеры, именуемой совестью! Да, поможет нам Бог в этой борьбе! Я верю в вас, немцы!» – прокричал радиоприёмник и внезапно замолчал.

Сидя у иллюминатора самолёта, Гиммлер смотрел вниз, где под крылом самолёта медленно проплывали ухоженные поля Германии. Неожиданно шефу СС вспомнился недавний день рождения Адольфа Гитлера. Тогда в огромном зале собралось более пятисот человек при-

глашённых, среди которых были генералы вермахта, гаулейтеры и соратники вождя по партии, некоторые из которых вместе с ним сидели в тюрьме после провала их выступления в Мюнхене.

Фюрер был в прекрасном расположении духа, он много шутил и смеялся. После поздравлений Гитлер, как всегда, разразился программной речью. Гиммлер поражался умением фюрера говорить без подготовки, быстро и чётко мыслить и эти мысли умело излагать перед многотысячной аудиторией своих сторонников. Рейхсминистр помнил почти дословно, что сказал в тот день кумир миллионов немцев.

– ...мы должны быть готовы к тяжелейшей борьбе, с которой сталкивалась когда-либо нация. Только благодаря стойкости мы сможем созреть для господства, нам предначертано. Мой долг, как немца – продолжать эту борьбу, не считаясь с потерями. Жертвы будут огромны... Нам придётся отказаться от многого из того, что было ценным для нас и сегодня кажется невозможным. Города превратятся в руины, замечательные памятники архитектуры исчезнут навсегда. Это время не пощадит нашу священную землю. Но я не боюсь этого. Во всех тех случаях, где дело идёт о разрешении на первый взгляд невыполнимых задач, прежде всего, нужно сосредоточить всё внимание народа на этом одном вопросе и сделать это с такой силой, как если бы от этого зависела вся судьба народа. Если же война будет проиграна, то немецкий народ не должен существовать. Нечего заботиться о том, чтобы такой народ пережил своё поражение. Это будет означать, народ оказался слабым, и не имеет право на будущее. Но моя вера в грядущую победу непоколебима. Немецкий народ – это я, а я – это немецкий народ! – такими словами под бурные овации соратников Гитлер закончил свою речь.

Как только фюрер сел, тут же из своего кресла вскочил Геббельс и, подняв над головой, словно факел, бокал с вином, громко, почти в голос, прокричал: «Мы являемся свидетелями величайшего события в истории. Гений создает мир! Его голос мы слышали, когда Германия спала. Его руки снова создали из нас нацию! Он один никогда не ошибается! Он всегда как звезда над нами! За здоровье Адольфа Гитлера, нашего любимого фюрера!»

Гиммлер даже немного поморщился, когда вспомнил тот тост своего товарища по партии. Он завидовал ораторскому искусству Геббельса и немного опасался его, так фюрер полностью доверял Йозефу. Именно поэтому шеф СС дал команду службе имперской безопасности собирать негласное досье на рейхсминистра пропаганды и агитации.

Гитлеру очень понравился тост Йозефа Геббельса. Фюрер тогда поднялся со своего места, подошёл к своему министру и крепко пожал ему руку. Этот поступок был высшим знаком уважения и доверия. Гиммлер в тот момент почувствовал столь сильную зависть, что сию же секунду отправил бы Геббельса в концлагерь Дахау, если бы на то была его воля.

Гиммлер всегда тяжело переживал успех других, когда фюрер приближал к себе кого-то из соратников по партии. Рейхсминистр пропаганды был как раз одним из тех людей, которые могли войти в кабинет Гитлера без доклада и в любое время суток. Подобных соратников набиралось немного, но, к сожалению, Генрих Гиммлер, в их круг не входил. Нет, он не мог сказать, что Гитлер ему не доверял, но...

Итак, на дне рождения фюрера, обходя своих гостей, остановился возле Гиммлера. Шеф СС в тот миг был готов пасть ниц перед вождём, но позади фюрера стоял Геббельс и довольно чему-то улыбался. Видимо, он в очередной раз тайком сделал Гитлеру какой-то приятный сюрприз.

– Конечно, ему легко, – с неприязнью думал Гиммлер о рейхсминистре пропаганды, – никакой конкретики, одни слова. Болтать умеет всякий!

– Дорогой Генрих, – обратился к вытянувшемуся в струнку рейхсфюреру СС Гитлер, – вот, Йозеф, – кивнул он в сторону Геббельса, стоявшего у него за спиной, – вновь порадовал меня своими успехами. Я поражён той простотой, с помощью которой можно решать грандиозные задачи по деморализации противника. Геббельс, например, утверждает, что чем гран-

диознее ложь, тем легче готовы ей поверить люди! Как Вы, Генрих, это находите? Я считаю, что Йозеф прав, ибо победителя никто не спросит, правду он говорил или нет!

– Мой фюрер, я занимаюсь практическими делами и мне трудно что-либо говорить о том, что нельзя посчитать, потрогать или...

– Или отправить в лагерь? – засмеялся фюрер, прервав соратника. Гиммлер смутился и не нашёл, что ответить. В присутствии Гитлера он буквально терял самообладание, хотя подчинённые считали, что рейхсфюрер СС обладает сильным характером.

– Ну, не обижайтесь, Генрих! – Гитлер покровительственно похлопал его по плечу.

– Мой фюрер, я только хотел сказать, что вся моя деятельность находится в практической сфере, я бы даже сказал в материальной области, нежели в духовной. Но думаю, что войска СС более эффективны, чем пропаганда.

– Мало повергнуть врага грубой физической силой, его ещё надо убедить в том, что он повергнут себе во благо. Смогут ли ваши войска сделать это? – парировал Геббельс выпад, направленный в его сторону.

– А долго ли вы будете убеждать в этом поверженного противника? – с небольшим сарказмом ответил Гиммлер.

– Пропаганда длится до тех пор, пока ей не станут безоговорочно верить, до тех пор, когда уже не знаешь, что выдумка, а что правда. Наша пропаганда станет квинтэссенцией любой религии... идёт ли речь о небе или о мази для волос, или расовой чистоте, – продолжал разглагольствовать Геббельс.

Гиммлер хотел ответить, но фюрер не дал ему этого сделать, он взял его под руку и направился в сторону балкона.

– Генрих, как продвигаются наши изыскания в рамках программы «Встреча с будущим»? Кажется, такое наименование вы дали этим исследованиям? Я не требую от вас немедленного доклада, всё-таки сегодня день моего рождения, но в самое ближайшее время мне понадобятся результаты от реализации этого проекта, – на этом их разговор закончился. Гитлер ушёл к гостям, оставив рейхсфюрера СС наедине с тяжёлыми раздумьями. Работы по проблематике прогнозирования будущего с привлечением лучших специалистов по эзотерике и медиумов Германии шли полным ходом, но докладывать о каких-либо результатах было ещё преждевременно, ибо реальных результатов пока не существовало.

Сегодняшний разговор с фюрером в такой знаменательный и торжественный день, когда войска вермахта начали решающее сражение на Востоке, Гиммлер воспринял очень настороженно. Он знал, что Гитлер прекрасно разбирается во всех хитросплетениях оккультных знаний, ибо сам считался мистиком и медиумом, имевшим дар предвидения, который не раз спасал Гитлера от смерти в годы Первой мировой войны. Как-то однажды в беседе с фюрером, когда Гиммлер случайно обмолвился, что не понимает, почему датой для нападения на большевиков выбрано именно 22-е июня. Гитлер без долгих предисловий тут же разъяснил ему, что этот день является древним праздником солнцестояния, а через две руны после этого знака начинается руна «зиг», означающая победу.

– Генрих, нам отводится только два месяца на разгром большевиков. Главная наша цель в России – это даже не Москва, а Кавказ и Сталинград. Вы же знаете, что именно в тех местах древние цивилизации оставили свой след. В районе Волги на месте Сталинграда когда-то находилась столица Хазарского каганата, – фюрер подошёл к огромному глобусу и пальцем указал Гиммлеру, где находился древний город. Затем он поднял свои чуть выпуклые водянистые глаза на замершего от избытка чувств подчинённого. – Друг мой, ну а Кавказ мне нужен не только для того, чтобы отрезать Москву от нефти! Вы ведь прекрасно знаете, что моя главная цель – Эльбрус. Эта вершина есть место упокоения душ наших нордических героев, которых мы призовём к помощи в победе над всеми нашими врагами. Цель Германии, а стало быть, и цель всей моей жизни есть мировое господство. Мы немцы, высшая раса, а потому уникаль-

ная. Но чистоте нашей крови угрожает Россия – этот восточный колосс с его варварскими обычаями и амбициями. Вы меня понимаете?

– Да, мой фюрер! – с замиранием сердца прошептал Гиммлер.

– Я уже восстановил историческую справедливость, присоединив Австрию и создав единую Германию. Я, наконец-то, получил в свои руки Копьё Судьбы, Генрих...

Гиммлер хорошо помнил те события, так как тогда все службы СС весьма напряжённо работали в Австрии. И эта работа завершилась тем, что в ночь с 11 на 12 марта 1938 германские войска, заранее сосредоточенные на границе в соответствии с планом «Отто», вторглись на территорию Австрии. А уже 13 марта в 19 часов Гитлер торжественно, как триумфатор, въехал в Вену. Два дня спустя фюрер в полном одиночестве посетил музей Хофбург, в котором хранилось священное копье. Считалось, что именно тем копьем некий римский легионер по имени Лонгин, выходец из германских земель, ударил в самое сердце распятого на Голгофе Иисуса Христа. Древняя легенда, которая хорошо была известна фюреру, гласила, что тот, кто объявит копьё своим и откроет его тайну, возьмёт судьбу всего мира в свои руки. Гитлер глубоко верил такого рода легендам. К тому же, он уже стал счастливым обладателем некоторых главных реликвий власти. В частности, кроме Копья Судьбы фюреру удалось завладеть и короной Карла Великого. Однако оставался ещё один не найденный атрибут мирового господства – это Священный Грааль, без которого по плану фюрера невозможно было возрождение новой немецкой расы и создания тысячелетнего Третьего рейха.

Гиммлер хорошо понимал желания вождя и очень хотел быть единственным доверенным человеком Гитлера, именно поэтому рейхсфюрер СС разослал во все концы света археологические экспедиции, составленные из офицеров СС, которые рыскали по странам в поисках священных атрибутов верховной власти и прочих исторических артефактов.

От раздумий и воспоминаний Гиммлера отвлёк его помощник. Он тихо подошёл к креслу, в котором сидел рейхсфюрер и доложил, что они прибыли на место, и самолёт вот-вот начнёт посадку. Шеф СС приоткрыл глаза и взглянул в иллюминатор. Земля быстро приближалась. Гиммлер крепко вцепился в подлокотники кресла и стал бледнее обычного. Он никак не мог привыкнуть к полётам и всегда сильно волновался. Вот и сейчас только после того, как самолёт сильно тряхнуло, и стало ясно, что шасси коснулись земли, рейхсфюрер с облегчением перевёл дух.

Самолёт приземлился на полевом аэродроме вблизи небольшого провинциального городка Падерборн. Бортмеханик открыл дверь, быстро опустил на землю трап и замер возле открытого люка. Рейхсфюрер встал из кресла и стремительно направился к выходу.

На аэродроме шефа СС встречал профессор Виллигут, правая рука Гиммлера в его исследовательских работах, касающихся установления контактов с будущим. Доктор был не только самым известным в Германии специалистом по чёрной магии. Он также довольно успешно возглавлял одну из секретных лабораторий, которая занималась поисками древних цивилизаций и знаний, позволяющих разрабатывать новейшие технологии и магические методы для управления с их помощью человеческим сознанием и проведению генетических манипуляций в целях создания «сверхчеловека». Нужно сказать, что профессор Виллигут входил в число высшего командного состава СС. В официальных списках руководителей этого тайного ордена он был известен как группенфюрер СС Карл Вайстор.

Кроме профессора, на аэродром встречать могущественного шефа СС прибыл также штурмбанфюрер Вольфрам Зиверс. Этот высокопоставленный офицер СС считался заместителем рейхсфюрера по науке и отвечал за все исследовательские работы, которые проводились немецкими учёными в лабораториях и учреждениях, входящих в структуру СС.

– Хайль Гитлер! – одновременно выкрикнули встречающие. – Как долетели господин рейхсфюрер? – поинтересовался профессор Виллигут.

Гиммлер, вскинув правую руку вверх в партийном приветствии, вяло пожал протянутую руку и ответил: «Спасибо Карл! Немного устал! С само утра на ногах. Вам уже сообщили, что наши войска перешли границу СССР и успешно ведут наступление по всему фронту? Фюрер уверен, что война с большевиками продлится не более двух месяцев и закончится полной нашей победой».

– Я в этом так же не сомневаюсь, господин рейхсфюрер! – ответил профессор Виллигут.

– Желаете отдохнуть с дороги? – вступил в разговор штурмбанфюрер Зиверс.

– Нет, дорогой Вольфрам! У меня нет на это времени. Фюрера интересуют результаты наших исследований. Он лично звонил мне сегодня и просил подробно доложить о нашей работе в данном направлении! Поэтому едем в замок, а отдыхать будем после войны, не долго ждать!

– Как будет угодно, господин рейхсфюрер! – ответил офицер СС и подал знак стоявшим неподалёку около машины водителю. Шофёр быстро вскочил в кабину, и буквально через пару секунд он уже открывал дверцу «Мерседеса» перед важным гостем из Берлина.

Замок Вевельсбург, куда направлялся Гиммлер, находился в 20 километрах южнее Падерборна в районе провинциального городка Бюрен. Рейхсфюрер любил этот замок. В 1932 году Гиммлер, тогда ещё никому не известный соратник набиравшего силу будущего вождя германского народа, ездил по городам Германии, участвуя в избирательной компании Гитлера и его партии в рейхстаг.

Вевельсбург понравился ему сразу, как только Гиммлер увидел эту древнюю почти разрушенную крепость, построенную, по древнему преданию, гуннами несколько веков назад. Однако в тот момент время старинного замка ещё не пришло. И только после триумфальной победы фюрера на выборах, будучи уже рейхсминистром, Гиммлер вновь побывал в Вестфалии, но уже с большими полномочиями.

Эта поездка произошла 3 ноября 1933 года. Рейхсфюрер прибыл в Бюрен с многочисленной комиссией высокопоставленных чинов СС. Он приехал не только осмотреть замок Вевельсбург, но и купить его. Члены высокой комиссии тогда единодушно согласились с предложением своего шефа приобрести древнее строение для нужд СС. После этого Гиммлер не стал откладывать решение в долгий ящик и в начале 1934 года за символическую плату в одну марку в год арендовал разрушающийся замок в Вестфалии. Рейхсфюрер намеревался превратить древнюю крепость в духовный центр СС и нужно сказать, что он преуспел в этом деле.

По приказу шефа СС Герман Бартельс, самый лучший архитектор Германии, осуществил полный ремонт и реконструкцию приобретённого замка. После проведённых грандиозных реставрационных работ Вевельсбург буквально преобразился и обрёл новую жизнь. В замке, кроме личных апартаментов самого фюрера, появились также огромные залы для заседаний, комнаты для коллекций образцов старинного оружия, большая библиотека с 12 томами старинных фолиантов и древних рукописей, эзотерических сочинений и книг по магии. На нижнем этаже замка находились судебный зал и комнаты высших чинов СС, включая покои Гиммлера.

Располагаясь на небольшой возвышенности, замок Вевельсбург был виден издали. Особенно красиво он смотрелся в хорошую солнечную погоду на фоне синего безоблачного неба.

– Это будет грандиозно! – довольно улыбнулся Гиммлер, подъезжая к замку и представляя окончательный вид своего детища и окрестностей вокруг него после завершения всех задуманных работ. – Замок станет не просто духовным центром СС, он станет местом поклонения всего германского народа и превратится в ворота в будущее. Сейчас 1941-й год, но через двадцать пять лет здесь всё преобразится. Я создам вокруг Вевельсбурга город, который своей святостью и чистотой затмит сам Ватикан, – продолжал размышлять всемогущественный шеф СС, с каким-то внутренним умилением и нежностью разглядывая крепостные стены, башенки

и прочие строения, которые были укрыты строительными лесами. Реконструкция крепости всё ещё не закончилась. Работы шли практически и днём, и ночью.

Ворота замка ещё до прибытия кортежа были предусмотрительно широко распахнуты. Важного гостя ждали заранее. Комендант Вевельсбурга штандартенфюрер СС Манфред фон Кнобельсдорф знал о прибытии высокого начальства и потому с самого раннего утра наводил на центральной площади и в личных покоях рейхсфюрера надлежащий порядок, так как ему была известна болезненная пристрастность Гиммлера к идеальной чистоте. Хотя этого можно было и не делать, так как ежедневно целый штат уборщиц и прислуги следил за тем, чтобы всё в замке блестело и сверкало чистотой, но рейхсфюрер был столь брезгливым человеком, что за едва заметный слой пыли на подлокотнике кресла или жужжащую на стекле окна муху виновник вполне мог оказаться в концентрационном лагере, расположенном неподалёку.

Гиммлер любил замок и очень часто приезжал в Вевельсбург. Рейхсфюреру казалось, что замок питал его какой-то мистической энергией и придавал сил. Гиммлеру нравилось размышлять, о планах на будущее в большом мраморном зале, пол которого украшало чёрное солнце, выложенное мозаикой в виде трёх свастики. От всего этого антуража рейхсфюрер испытывал необыкновенный прилив эмоций и вдохновения. Однако сейчас он не остался в этом зале, а сразу проследовал в библиотеку, где обычно вместе со своими ближайшими помощниками проводил спиритические сеансы, вызывая к общению духов великих предков. Профессор Виллигут и штурмбанфюрер СС Зиверс неотступно следовали за своим шефом.

– Присаживайтесь, господа! Я не буду долго говорить вам о судьбоносном решении фюрера покончить с советской Россией и большевизмом. Это – великий подвиг великого человека, создающего новую великую тысячелетнюю империю для великого германского народа. Наш святой долг вложить свой скромный вклад в грандиозные преобразования мира. Итак, какими успехами мы можем порадовать фюрера в этот знаменательный день. Начнём с Вас, Вольфрам! – Гиммлер развернулся к штурмбанфюреру СС Зиверсу, который вот уже почти целый год возглавлял институт прикладных военных исследований.

Офицер от волнения хотел встать, но рейхсфюрер движением руки остановил его. «Можете не вставать!» – бросил короткую фразу Гиммлер и уставился сквозь стёкла пенсне своими несколько навывкате бесцветными глазами на офицера СС.

– Мы уже успешно запустили программу «Лебенсборн». Сейчас полным ходом идёт особый генетический отбор женщин для решения сложных вопросов бесперебойного воспроизводства арийской расы. Работы идут весьма успешно. Мы уверены, что к концу 1945 года фюрер получит более 70000 тысяч арийцев, рождённых в рамках нашей программы. Эти «новые» арийцы в недалёком будущем составят элитный генофонд германского общества. И важно то, что управлять этим генофондом можно будет на уровне генетической памяти и целевых кодирующих установок. К тому же..., – вдохновенно докладывал штурмбанфюрер СС Зиверс.

– Это всё замечательно и очень интересно, – прервал доклад своего подчинённого рейхсфюрер СС, – но даже если программа пойдёт успешно, то тысячи арийцев, о которых вы, Вольфрам, говорите, в 1945-ом году будут слишком юны, чтобы выполнять конкретные военные и специальные задания. Это всё в перспективе. А что-то практическое у нас имеется? Фюреру нужны результаты сейчас, немедленно...

– Господин рейхсфюрер, с вашей помощью нам стали известны некоторые методы работы с кровью русского учёного Богданова, которого Сталин назначил директором закрытого института крови. Работы большевиков в области решения проблемы продления жизни очень интересны, сведений по данной проблематике нам явно недостаточно, к тому же, сейчас мы не будем иметь возможности получать сведения непосредственно из Москвы.

– Я так понимаю, что наши учёные особенно далеко в поисках «сыворотки долголетия» не продвинулись? – вновь Гиммлер раздражённо прервал доклад штурмбанфюрера Зиверса.

– Об окончательных успехах рапортовать рано, но исследовательские работы, эксперименты и опыты нашими медиками в лагере Аушвиц проводятся круглосуточно. Недостатка в человеческом материале нет! Координация научной работы, связанной с переливанием крови и клонированием живых объектов, также ведётся и в замке «Гётебург», – видя недовольство своего шефа, несколько удручённо закончил штурмбанфюрер СС.

– Поторопите своих людей, господин Зиверс! Сейчас с Востока к нам хлынет поток здоровых и крепких славян, хотя они и варвары, но биологический материал для наших опытов добротный и качественный!

Несмотря на то, что штурмбанфюрер Зиверс, возглавлявший институт прикладных военных исследований, практически ничего не доложил, однако это не испортило настроение Гиммлера. Интуиция подсказывала шефу СС, что самое ценное и главное ещё впереди. Ему было хорошо известно, что интенсивные опыты и постоянные попытки установления контактов с «чужими» идут полным ходом и довольно успешно. Термин «чужие» был придуман доктором Виллигутом. Как специалист по чёрной магии и медиум, он имел способность устанавливать во время своих спиритических сеансов и медитаций контакт с некими «высшими существами», принесшими, по мнению профессора, на Землю необычные знания. Доктор Виллигут считал, что с помощью этих знаний он сможет открыть коридор времени и совершить проникновение в будущее.

Будучи одновременно группенфюрером СС, профессор имел в подчинении довольно многочисленную группу учёных и специалистов, которые по заданию рейхсфюрера СС Гиммлера и с личного распоряжения самого вождя германского народа, изучали старинные рукописи и манускрипты в поисках древних оккультных формул и заклинаний, позволявшие устанавливать контакт с «высшим разумом». Нужно сказать, что Вайстор- Виллигут добился в этих изысканиях довольно успешных результатов.

При содействии своего могущественного покровителя профессор Виллигут смог привлечь к работе по установлению контактов самых опытных медиумов не только в Германии, но и в других стран. Причём Гиммлер поступил довольно мудро, решая эту невероятно сложную задачу. Он распорядился, чтобы эксперименты по установлению контактов с потусторонним миром и представителями тонкой материи проводились независимо друг от друга и одновременно сразу в нескольких лабораториях. Такая тактика дала хорошие результаты. Буквально полгода назад рейхсфюрер СС смог доложить Гитлеру об успехах в сфере оккультных изысканий. Но прошло время, и нужно было представить фюреру ещё что-то новое, более существенное и весомое.

Прохаживаясь по библиотеке, Гиммлер с внутренним удовольствием вспоминал тот давний разговор с фюрером. Вождь Германии принял Гиммлера в своём огромном кабинете в рейхсканцелярии. Гитлер находился в прекрасном расположении духа. Его успехи в международных делах были просто впечатляющими. Вся Европа работала на Германию, которая буквально совершила подвиг и возродилась из пепла как легендарная птица Феникс. И это всего лишь спустя два с небольшим десятилетия после поражения в войне и унижительного Версальского договора.

– Генрих, дорогой, у нас сейчас нет серьёзного противника ни в военной сфере, ни в политической, ни в экономической. Наш потенциал – это потенциал всей Европы. Захватив Чехословакию, Францию, Бельгию, Голландию и другие государства мы приобрели огромный арсенал оружия, которым сможем оснастить 200 полнокровных дивизий. Такой армии в Германии не было никогда! Премьер Англии Черчилль и его окружение сейчас допускают против меня столь грозные высказывания лишь только потому, что думают отсидеться за Ла-Маншем, а их союзники, американцы – за океаном. Не будем обманываться, но ни Англия, ни Америка вовсе не собираются нам сопротивляться. Каждое слово, произносимое в том лагере в наш адрес, выдает их стремление к соглашательству. И позиция бывшего премьера Чем-

берлена по Чехословакии продемонстрировала страх англичан перед Германией. Американцы и англичане не те люди, которые жаждут власти или испытывают наслаждение от обладания властью. Они способны только рассуждать о долге и ответственности и были бы просто счастливы, если бы могли спокойно ухаживать за цветами в своем саду, в привычный час ходить на рыбалку, а в остальном проводить жизнь в благочестивом созерцании природы. Но наши учёные приготовят им такой сюрприз, что и Мировой океан не сможет защитить их от нашего сокрушительного удара. Ваша работа, Генрих, в области оккультизма и магии также внесёт весомый вклад в нашу общую победу. Он будет не меньшим, чем победа вермахта. Информация, полученная вами, например, относительно «летающих дисков» является весьма важной, так как в корне меняет подход к концепции построения летательных аппаратов. Вы, Генрих, молодец! Есть ли сейчас у вас что-то новенькое для меня? – доверительно с похвалой сказал Гитлер.

Гиммлер, польщённый похвалой самого фюрера, был в таком восторженном состоянии, что еле удержался от желания опуститься на колени перед вождём германского народа и поцеловать ему руку. В этот миг он любил, обожал своего фюрера и боготворил его. От волнения шеф СС не мог вымолвить ни слова. Гитлер заметил это состояние своего подчинённого. Ему нравилось, когда люди после его речей приходили в состояние замешательства и оцепенения. Гитлер полагал, что такое поведение людей связано с его способностями влиять на человека силой своего гипнотического воздействия. Вообще фюрер считал, что обладает телепатическими способностями и даром пророчества. Однажды именно этот дар, дар предвидения, спас его от смерти. Правда, произошёл тот случай очень давно, когда фюрер ещё не был фюрером, а имел всего лишь звание ефрейтора и носил никому не известную фамилию Шикльгрубер.

– Ну, давайте, давайте, Генрих, докладывайте! – довольный собой проговорил фюрер, хлопывая Гиммлера по плечу. – Какие успехи у нашего мага и чародея, доктора Виллигута?

– Мой фюрер, – срывающимся от волнения голосом начал свой доклад рейхсфюрер СС, – некоторые оккультные «ключи», почерпнутые нами из древних манускриптов, сработали успешно и по независимым «каналам» была получена почти идентичная информация техногенного характера. В частности, через наших контактеров мы получили дополнительную информацию по чертежам и описаниям «дисколётов». Они по своим характеристикам значительно превосходят любой самый современный самолёт. Также мы добились значительных успехов в изучении механизмов управления поведением человека. Интенсивные опыты в этой области проводятся сейчас в концлагере неподалеку от замка Вевельсбург.

– Это замечательно, Генрих! Управлять поведением человека очень важная задача, особенно в свете того, что Германия прирастёт огромными территориями на Востоке. Там живут славяне, варвары и дикари, которые имеют только одну способность – размножаться словно крысы. Мы должны научиться управлять этой дикой ордой недочеловеков. Конечно, славян лучше было бы побыстрее уничтожить, чтобы освободить необходимое жизненное пространство для новой германской расы, но нам нужны будут рабы, много рабов и хозяином над ними естественно станет немец. Я призван высшим сознанием создать новую расу людей. Всё развитие культуры обуславливается, прежде всего, расой и поэтому главнейшей задачей государства должно являться сохранение расы, улучшение расы, отчего в первую очередь и зависит весь ход развития человеческой культуры. Каждому своё, Генрих! Эти слова должны стать нашим девизом! Нам, как высшей расе, принадлежит всё!

– Вы правы, мой фюрер! Штурмбанфюрер Зиверс буквально на днях мне доложил, что работы по клонированию человека практически завершены. Наши медики обещают к концу 1945-го года 70 тысяч чистокровных арийцев.

– Такие новости, Генрих, приятно слышать! Вы меня порадовали. Это просто замечательно! В конце 1945-го года появится целая армия новых людей, которые будут запрограммированы нами не как профессора или дипломаты, а как солдаты великого рейха. Эта армия

станет обладать лишь очень небольшим количеством абстрактных знаний. Новая генерация арийцев станет определять своё отношение, положительное или отрицательное, к тому или другому явлению только посредством своих чувств и эмоций. Мы должны вооружить наше новое поколение умением управлять массами людей, ибо толпа всегда восприимчива, прежде всего, к выражению силы. А для этого нашим новым арийцам нужна будет вера, источником которой должны стать мои мысли и откровения. Поколебать веру труднее, чем поколебать знание; любовь более прочна, нежели уважение; чувство ненависти прочнее, чем простое нерасположение. Движущая сила самых могучих переворотов на земле всегда заключалась в фанатизме масс, называемой идеей, которая, доведённая до истерии, способна разрушить неприступные стены. Именно эти, Генрих, 70 тысяч чистокровных арийцев, с заложенными в них на подсознательном уровне моими идеями, станут той движущей силой, которая продолжит после нас наше дело. Мы сильны своей идеей, мы смогли мобилизовать и повести за собой весь немецкий народ, а ведь нет каких-либо научных идей, способных также в столь короткий срок внезапно овладеть массами, как это сделал я своей энергией и волей! – Гитлер от возбуждения вскочил и забегал по своему огромному кабинету, потирая от удовольствия руки. – Замечательно! Всё это замечательно, Генрих! Но всё это ничто, если мы не сможем заглянуть в будущее. Нужно срочно форсировать наши работы по созданию машины, с помощью которой можно было бы не только предвидеть, но даже менять будущее, совершая набег в него из нашего настоящего.

Беседа с Гитлером длилась ещё почти целый час. Гиммлер заручился полной поддержкой фюрера в проведении, казалось бы, совершенно безумных и фантастических проектов. Именно тот давний разговор и вспоминал сейчас рейхсфюрер, прохаживаясь по огромному мягкому ковру, закрывавшему почти весь пол библиотеки. Его сотрудники сидели и почтительно молчали, не смея прервать затянувшуюся паузу.

– Итак, господин группенфюрер Вайстор, – остановился Гиммлер перед креслом, в котором сидел Карл Виллигут, – что Вы можете доложить?

Профессор хотел встать, но рейхсфюрер не дал ему это сделать, положив руку на плечо: «Сидите, сидите, Карл!»

– Господин рейхсфюрер, работы идут полным ходом, но это не зависит только от нас, так как мы имеем дело с «высшими существами», которыми мы пока не можем повелевать. Получить сведения технологического характера в нужном нам объёме пока не удалось, но алгоритм перехода из одного времени в другое стал более-менее понятен. Перемещение во времени происходит по «коридорам времени», так их называют сами «чужие». Я неоднократно лично вступал с ними в контакт, и вот какую информацию мне удалось от них получить. В определённых ситуациях время позволяет себе делать некоторые скачки, как в будущее, так и в прошлое. Такие явления называются парадоксами времени. Как мне объяснили, жизнь развивается циклически по спирали, но спираль эта не имеет ни конца, ни начала, так как представляет собой замкнутый круг. То есть на каком-то этапе человек, заканчивая свою жизнь, тут же начинает её заново. Находясь в утробе матери, он ещё помнит, что происходило с ним в уже прошедшей жизни, но, появляясь на свет, он сразу же об этом забывает и начинает всё с чистого листа. Конечно, было бы неплохо попробовать воздействовать на участки мозга, в которых хранится весь наш опыт прошлой жизни. Тогда можно было бы избежать многих ошибок и не повторять их в новой жизни. Однако данную проблему мы пока решить не можем. Но это ещё не всё. Далее мне сообщили, что при некоторых обстоятельствах возможен перехлест временной спирали, когда она из круга становится похожей на цифру «восемь» или математический знак «бесконечности». Любой человек, случайно оказавшийся в точке данного пересечения, может быть моментально переброшен в будущее или в прошлое по образовавшемуся коридору времени. Причём пройти по такому коридору возможно и без каких-либо специальных технических устройств. Главное находиться в той точке, в которой открывается этот коридор.

– И как обнаружить эти коридоры времени? – нетерпеливо перебил рейхсфюрер профессора.

– Они возникают бессистемно, спонтанно, по непонятным даже для «чужих» причинам. Но «чужие» могут прогнозировать их появление с точностью до 20 процентов. Конечно, это мало, но... Обычно коридоры времени возникают в тех местах, в которых происходит концентрирование человеческой воли и стремлений, то есть совершается произвольно колоссальный выброс эмоциональной энергии больших масс людей. Я не совсем понял, что это значит, но «чужие» мне сообщили, что у них сейчас идёт работа над генератором, способным настраиваться на внутреннюю человеческую энергию, усиливая её до такого предела, когда возможно возникновение временного парадокса. Тогда-то и происходит открытие коридоров времени.

– И как скоро они сделают этот генератор?

Однако ответа рейхсфюрер не дождался, так как профессор только пожал плечами. Это огорчило Гиммлера.

– Да, вот ещё, господин рейхсфюрер! В последний мой контакт, мне было сказано, чтобы мы ждали гостей из будущего, – сказал доктор Виллигут.

– Что, что?.. – переспросил Гиммлер, будто бы не расслышал сказанную доктором Виллигутом фразы. При этом лицо рейхсфюрера и без того бледное, стало почти белым. Глаза шефа СС лихорадочно блеснули из-за стёкол пенсне.

– Да, господин рейхсфюрер, Вы не ослышались! Мне сказали, что вскоре придут гости из будущего.

– Когда, где, кто это будет? – от волнения на лбу Гиммлера даже выступила испарина.

– Неизвестно! Все последующие контакты были безуспешны. «Чужие» словно отгородились стеной и не хотят более об этом ничего сообщать, – ответил профессор.

– И что же делать?

– Разрешите, господин рейхсфюрер? – подал голос всё это время молчавший штурмбанфюрер Зиверс. Гиммлер кивнул, давая разрешение. Офицер встал из кресла, одёрнул на себе и без того безукоризненно сидевший чёрный мундир.

– Господин рейхсфюрер, Вам надо срочно отправить секретный приказ во все части, подразделения и отделы СС и СД и обязать их немедленно сообщать и брать под особый жёсткий контроль всё то, что не вписывается в рамки нормальной человеческой логики, то есть любые необычные происшествия, случаи, события, вплоть до проверки слухов и сплетен. Гости из будущего, если они появятся, должны как-то обязательно себя проявить, например, своими странными разговорами, поведением, необычной одеждой, какими-то личными предметами и прочее. Нашим солдатам, которые проливают кровь в борьбе с большевиками, любой человек, который станет говорить о том, что он из будущего, покажется сумасшедшим и будет расстрелян в соответствии с приказом фюрера или отправлен в фильтрационный лагерь, где случайно можно погибнуть от пули охранника или умереть от ран и болезней. Этого допустить нельзя! Мы с доктором Виллигутом взяли на себя смелость и подготовили проект приказа! – с чувством выполненного долга Вольфрам Зиверс замолчал и протянул Гиммлеру папку с документом. Внимательно прочитав предложенный текст приказа, рейхсфюрер коротко ответил: «Согласен!»

В тот же день в войска СС и представительства службы безопасности СД на Восточном фронте ушёл совершенно секретный приказ, подписанный лично рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером.

Глава первая

рассказывает о том, как неожиданно для самого себя можно стать участникам кино-съёмочной экспедиции.

* * *

На съёмки фильма меня вытащил мой старинный и закадычный друг, Димка Сокольников. Но если быть точным, то впервые предложение об участии в фильме я услышал от своего бывшего начальника, генерала Корабелова. Иван Фёдорович как-то несколько месяцев позволил и сказал мне, что ему предложили стать главным военным консультантом фильма о войне. Ну, а так как генерал был не в том возрасте, чтобы выезжать в далёкую киноэкспедицию на долгий срок, то он естественно обратился ко мне. Разговор долгим не был.

– Здравствуй, Саня! – поздоровался Корабелов, – ты сейчас временно безработный, вот я и решил предложить тебе хорошее и прибыльное дело. Сам-то я поехать на съёмки не могу, а ты человек молодой, здоровый, энергичный! К тому же, фильм о войне!

Отказывать генералу было неудобно, поэтому я согласился, да и самому как-то стало интересно поучаствовать в съёмках. Однако оказалось, что это дело не такое уж и скорое. Время шло, а генерал ничего мне не говорил о предстоящей работе. Да он и сам был удивлён, что человек, предложивший ему консультировать фильм, не давал о себе знать, будто сквозь землю провалился. Я уже и думать перестал о предложении моего бывшего начальника, как в середине июня неожиданно для меня вся эта история с кино завертелась вновь.

Мне тогда в какой-то степени повезло. Я холостяковал, так как моя жена отдыхала в санатории на море, а сын отправился в заграничную командировку. Был субботний день, время что-то около шести утра. Мне снился какой-то приятный сон, когда длинный и настойчивый звонок у входной двери прервал мои сновидения.

«Так может звонить только Димка Сокольников», – улыбаясь и не открывая глаза, подумал я. Хотя время было раннее, но настоящий друг не может обижаться на того, кого знает лет сорок, а может и больше, не имеет права. Вообще Димка всегда удивлял меня своими неожиданными предложениями.

«Что же у него за такое срочное дело, если он прикатил ко мне в столь ранний час?» – раздумывал я, ещё до конца, не проснувшись и стараясь на ощупь найти ногами около кровати свои домашние тапочки. Набросив на всякий случай на плечи халат, мало ли кто мог прийти, вдруг это не Сокольников, а скажем, участковый милиционер или того хуже какая-нибудь незнакомая женщина, я поспешил в коридор, громко крича: «Открываю, открываю!»

Звонок, не смотря на мой громкий крик, продолжал трезвонить. Я не ошибся. Это был мой друг. Димка словно ураган ворвался в квартиру после того, как я открыл ему дверь.

– Доброе утро, Саня! – закричал он с порога. – Подъём сорок пять секунд. Давай собирайся по-военному! Не разучился? Полчаса, надеюсь, тебе хватит? Я на машине!

– Здравствуй Димыч! – ответил я своему другу, – иди на кухню и поставь чайник! Пойду, умоюсь! А ты соберись с мыслями и объясни всё толком! Да, и заодно свари кофе!

– А может омлет приготовить? У тебя есть колбаса, яйца, молоко?

Всё есть! Посмотри в холодильнике!

Пока я плескался в ванной, Димка хозяйничал на кухне. До моего слуха доносились звук миксера, звон ножа и вилки, шкворчащего масла на сковороде и весёлое Димкино пение. Он исполнял старинный русский романс «Вечерний звон», а это означало, что мой друг подошёл к приготовлению завтрака вполне серьёзно. Такие песни Сокольников исполнял в самые торжественные и важные минуты, а приготовление еды он считал именно таковыми.

– Рассказывай, куда мне надо так срочно собираться? – спросил я, входя на кухню и вытираясь полотенцем.

– Садись, Саня, завтракай, а я пока подробно доложу, – ответил Димка, ставя на стол, аппетитно скворчащий на сковородке, омлет с кусочками поджаренного сала и репчатого лука.

– Короче так! Нас пригласили на съёмки фильма. Генерал мне позвонил и просил за тобой заехать.

– А чего же он мне не позвонил?

– Пробовал, но ты ведь телефоны на ночь отключаешь!

Да, действительно, в последнее время я стал отключать свой мобильный телефон на ночь. Скажу честно, Димкино сообщения меня не очень обрадовало, оно меня скорее поставило в неловкое положение. Ещё пару месяцев назад у меня не возникло бы ни малейшего сомнения относительно участия в съёмках фильма. Но летом тратить время на пустяки, не хотелось. Да и разговор с генералом насчёт фильма успел забыться. За полгода, что прошли с того звонка бывшего моего начальника, у меня, естественно, появились другие планы. Я, например, хотел съездить к жене в санаторий, отдохнуть недельку на берегу моря, позагорать под южным солнцем и вернуться вместе с ней в Москву.

Правда, у меня имелся небольшой кинематографический опыт: однажды довелось консультировать документальный фильм о работе войск специального назначения. Выступал я тогда под вымышленной фамилией, так как был действующим офицером спецподразделения ГРУ. Да и фильм, нужно сказать, снимался в учебных целях. Однако времени на него было затрачено много, поэтому именно сейчас участие в фильме у меня особого энтузиазма не вызвало.

– Ну, чего молчишь? – нетерпеливо спросил Сокольников.

– Да вот думаю, шутка это или нет? – усмехаясь, спросил я. – Ты часом не ведаешь, приглашают нас на главные роли?

– Только без иронии, Саша! На главные роли нас никто не зовёт, но вот в качестве консультантов приглашают.

– Да-а-а? И кого же мы будем консультировать?

– А генерал тебе разве ничего не говорил? Он мне сказал, что уже с тобой беседовал на эту тему!

– Да у нас весь разговор ровно минуту занял. Иван Фёдорович спросил, мол, согласен ли я вместо него поехать, вроде как представителем, и всё! И полгода мы к этому разговору не возвращались. А сейчас здравствуйте вам, нате! Я, вон, к жене в санаторий хотел поехать, кости погреть на песочке, в море поплескаться.

– Да, ладно тебе, Саня! Там выезд-то на пару недель. Успеешь и на море!

– Ну, хорошо! А что за фильм-то? Кто режиссёр?

– И этого генерал не сказал?

– Да он сам тогда толком ничего не знал!

– Режиссёр, Саня, самый именитый в нашем отечестве! Степан Зеркалович-Романовский!

– О-го-го!

– Да, да!

– А что за фильм будет снимать наш обладатель кучи премий Зеркалович-Романовский?

– О войне!

– Да, что ты?

– А ты как думал? Решил увековечить себя в военной теме. А то, по его мнению, никто до сих пор не снял правдивый фильм, реалистично не показал трагедию народа и власти в первые дни войны.

– Правда, у меня есть сомнения в его непредвзятости! К тому же ты, Дима, знаешь моё отношение к этому режиссёру и его творчеству.

– Так и мне он не нравится, и Корабелову так же. Я, кстати, генералу об этом сразу сказал. Но наш старик человек мудрый. Он мне ответил, что ежели мы откажемся, то Зеркалович-Романовский всё равно найдёт людей, которые согласятся консультировать фильм, или вообще без них обойдётся. А потом Миша парень во всех вопросах дока, а фильм о войне, не хотелось бы, чтобы там были всякие и разные несуразности.

– Дима, ну мы же не общевойсковики, мы с тобой всю службу тащили в спецназе, – попробовал возразить я другу, очень уж мне не хотелось принимать участие в этом предприятии.

– Я те же самые слова сказал генералу, а он в ответ мне: вы в первую очередь офицеры и наша задача, чтобы в фильме не было хотя бы вопиющего вранья относительно всяких деталей, ну вроде тех отвратительных ляпов, как в фильме «Диверсант», «Штрафбат» и пр. А я, говорит, постараюсь общую канву выдержать. И гонорар нам за это заплатят, и фамилии в титрах пойдут. Мелочь, но приятно.

– Полезное с приятным совместить? – усмехнулся я.

– А что делать, Саша? Ведь переверёт, перевернёт всё с ног на голову и обратно! Опять сварганит конъюнктуру.

– А ты думаешь, мы сможем предотвратить что-то?

– Давай попробуем, может и выйдет что. Да и генерал на связи будет!

– А чего же ты меня не разыскал вчера?

– самого вчера в Москве не было!

– А куда ехать-то? Далеко?

– Да, далековато! Съёмки проводятся на натуре! Придётся на моей машине догонять киношную группу. На реку Березина поедem, под Бобруйск!

– Белоруссия?! – воскликнул я, – точно далековато! И надолго?

– Я же тебе сказал, на пару-тройку недель! А тебе-то что? Ты жену в санаторий до конца месяца отправил, думаю, успеешь её забрать. И опять же для жены сюрприз сделаешь, гонорар хороший получишь!

– А что это вдруг нашу кинематографическую светоч под Бобруйск понесло?

– Ты сценарий не читал?

– Пролистал!

– Короче, у него там комдива Мартова, личного друга Сталина, арестовывают сотрудники НКВД?

– Помню такое дело! Но это единственный эпизод, который я прочитал внимательно, а в остальном как-то особенно в детали не вдавался.

– Ладно! Введу тогда тебя в курс дела. Комдива этого самого опять же по личному приказу Сталина освобождают и прямо из лагеря отправляют на фронт!

– В штрафбат что ли? Хотя в 1941-ом их ещё не было!

– Вообще мысль интересная, – хохотнул Сокольников, – надо бы режиссёру её подсказать. Но, по замыслу автора, комдив Мартов даже не предполагает, что его везут на фронт и там сразу назначат командиром какого-то крупного соединения.

– Глубоко копает Зеркалович-Романовский!

– Да уж, не мельчит!

– Смысл фильма ясен! Сталин напуган, растерян и подавлен, пребывает в прострации, командиры все в тюрьмах, поэтому он их сразу с нар и командующими. Это вроде как Константин Константинович Рокоссовский?

– Да, вроде бы как Рокоссовский!

– Дима, а откуда у тебя такие познания о будущем фильме? Прямо как будто ты сам лично с Зеркалович-Романовским сценарий писал?

– Иван Фёдорович по телефону рассказал. Мы с ним наверно целый час разговаривали. Ты ведь знаешь, что его довольно часто приглашали в качестве главного консультанта в художественные фильмы. А он человек серьёзный, обстоятельный, сразу потребовал сценарий. Правда, сценарий ему не показался хорошим, и он режиссёру об этом сказал. Однако режиссёр наш замечания генерала проглотил, ведь он ему нужен. У Ивана Фёдоровича хорошие контакты с белорусским руководством. Зеркалович-Романовский его лично упрашивал. А генерал ему свои условия, мол, сам не могу, стар стал, а вот два моих парня толковых поедут. Ну, что едем?

– Уговорил! А почему бы не поехать, Димыч? – после долгих раздумий я, наконец, решился, – в каких только переплётах мы с тобой не побывали, но в киношном впервые! Согласен!

Не знал я тогда, что мои слова относительно «переплёта» окажутся пророческими. Мы действительно на съёмках попадём с моим другом в столь необычную ситуацию, сравнить которую можно будет только с крутым голливудским боевиком из разряда фэнтези. К сожалению, у меня нет никаких конкретных доказательств того, что с нами произошло, было в реальности. Я могу в своём рассказе уповать исключительно на веру читателя. Однако не стану забежать вперёд, чтобы моё повествование не выглядело бы сумбурным, хотя волнения переполняют меня до сих пор, как только я вспоминаю о тех давних и необычных, можно сказать, фантастических событиях, которые произошли на Березине-реке тёплым летом 20... года.

Глава вторая

рассказывает о том, как в процессе съёмок фильма могут возникать ссоры с главным режиссёром на почве расхождения взглядов на некоторые аспекты истории и жизни.

* * *

До Бобруйска мы добрались довольно быстро, так как поочерёдно меняли друг друга за рулём. Раньше, когда существовал СССР, это был довольно скромный провинциальный город. Но после развала государства, он невольно изменил не только внешность, но и статус. Близость столичного города, ведь Бобруйск находился в 150 километрах от Минска, не могла не оказать на город благотворного влияния. Бобруйск нам понравился своей аккуратностью, спокойной размеренной жизнью без суеты, каким-то домашним уютом и приветливостью горожан. Да и вообще, как только мы пересекли государственную границу России, то нам сразу же бросилась в глаза идеальная чистота белорусских дорог, их ухоженность и прекрасное состояние.

Съёмочную группу по прибытию в Бобруйск мы нашли очень быстро. Ничего удивительного в этом не было, так как не каждый день в небольшой белорусский городок приезжал столь знаменитый гость из Москвы снимать фильм. Вообще новость о том, что в Бобруйск едет мэтр российского кинематографа Степан Зеркалович-Романовский, взбудоражила весь город задолго до его приезда. Поэтому, когда режиссёр прибыл со всей своей бригадой, то основной темой разговоров и дискуссий всех горожан от мала до велика стал спор: состоится ли премьера нового фильма в Бобруйске? И этот спор был неудивителен, ведь самую большую часть натуральных съёмок знаменитый режиссёр собирался провести именно в окрестностях этого белорусского города.

«А где же ещё можно снимать такой фильм? Ведь именно здесь, у нас под Бобруйском, шли самые ожесточённые бои с фашистами!» – говорили друг другу горожане, забывая о том, что после начала Великой отечественной войны сражения происходили на огромном пространстве от Баренцева моря и до Чёрного. А бои под Бобруйском были всего лишь небольшим, но героическим эпизодом той долгой и жестокой войны. Безусловно, они внесли определённый вклад в будущий разгром фашистов, так как именно здесь, на рубеже по реке Березина от Бобруйска и до Борисова, наши войска впервые после двух недель тяжёлого отступления оказали ожесточённое сопротивление гитлеровским войскам и на несколько дней остановили стремительное продвижение немецкой 4-й танковой армии.

Итак, как я уже говорил, съёмочную группу мы нашли без особых усилий, так как она расположилась в самой большой и лучшей гостинице города. Сокольников хотел сообщить самому мэтру о нашем прибытии, однако режиссёр Зеркалович-Романовский встречаться и разговаривать с нами не захотел, а передал через своих ассистентов, чтобы мы занимали двухместный номер на втором этаже.

Почти весь остаток первого дня после приезда мы потратили на размещение, оформление, знакомство с участниками киноэкспедиции, короче говоря, провели его, как и полагается, в обычной предрабочей суете, поэтому время пролетело очень быстро и незаметно.

Вечером мы были приглашены в местный ресторан на торжественный ужин, который организовал Зеркалович-Романовский по случаю начала съёмок нового фильма. Нужно отдать должное щедрости режиссёра. Он не стал скупиться и экономить, поэтому столы были накрыты просто великолепно: в закусках и горячительных напитках недостатка не чувствовалось.

Во время ужина знаменитый режиссёр вёл себя вальяжно, но довольно демократично, много ел, в меру пил, остроумно шутил, смеялся и даже танцевал с местными девушками, неизвестно как оказавшимися в закрытом на спецобслуживание ресторане.

– Друзья мои, хочу провозгласить тост за успех нашего предприятия! – громко прокричал режиссёр, жестом руки остановив игру оркестра. После этого он лихо опрокинул полный хрустальный фужер водки и со всего размаха так грохнул его об пол, что многочисленные осколки блестящими искрами разлетелись по паркету обеденного зала.

– Ура!!! Ура!!! Ура!!! – трижды прокричали в ответ все присутствовавшие на вечере участники экспедиции.

– Друзья мои, друзья мои! – вновь поднял руку Зеркалович- Романовский, призывая разгулявшихся членов киногоруппы к вниманию и тишине, – предупреждаю всех, что завтра утром выезжаем на натуру, поэтому прошу не опаздывать. Ждать никого не будем! Поэтому не переусердствуйте сегодня! – многозначительным и строгим взглядом он обвёл всех своих сотрудинов.

– Хорошо! – громко прозвучало в ответ.

Утром следующего дня в вестибюле гостиницы невозможно было ступить. Члены киногоруппы озабоченно сновали вниз и вверх по лестницам, но назвать это суетой было нельзя, каждый чётко выполнял свою работу. Мы с Димкой впервые участвовали в съёмках художественного фильма, и деловой подход режиссёра к работе мне понравился. Я, как человек военный, был приучен к дисциплине и любил порядок, поэтому сбор всех участников группы ранним утром в точно назначенное время, хотя ужин продолжался до глубокой ночи, вызвал и у меня, и у моего друга искреннее восхищение.

Наша съёмочная экспедиция довольно быстро прибыла на место. И опять организаторские способности Зеркалович- Романовского меня удивили. Если сказать, что декорации к фильму были хорошими, значило бы не сказать ничего. Траншеи, блиндажи и окопы в буквальном смысле этого слова отвечали всем требованиям и правилам строительства фортификационных сооружений. Думаю, что даже самый придирчивый специалист-сапёр не нашёл бы в них какого-либо изъянов и недостатков.

– Эй, вы двое! Это вы что ли военные консультанты? Ну, что скажете? – несколько фамильярно обратился к нам Зеркалович- Романовский, подойдя сзади, когда мы находились на дне окопа и придирчиво осматривал все эти добротные изготовленные полевые сооружения. Я стоял к режиссёру чуть ближе, чем Димка, поэтому он, посмотрев на меня, вновь спросил: «Ну что же ты молчишь, консультант?» Я не успел ничего сказать, так это вместо меня сделал мой друг.

– Да просто он не привык, когда ему «тыкают»! А потом здороваться надо, прежде чем спрашивать! – спокойно сказал Сокольников. Лицо Зеркалович-Романовского вспыхнуло огнём, он резко развернулся и пошёл прочь, не удостоив Димку ни ответом, ни взглядом. Его, то ли помощник, то ли секретарь, а может ассистент, но как потом оказалось, начальник личной охраны довольно грозно посмотрел на Димку и сквозь зубы процедил: «Попридержи язык, дядя, а то, как бы тебе его укоротить не пришлось!»

Парню на вид было лет под тридцать. Выглядел он этаким качком с бритым затылком и ростом под метр девяносто с лишним. Поигрывая бицепсами, он сделал шаг к окопу, где стояли мы с Димкой.

– Ты сам что ли укорачивать будешь? – ничуть не испугавшись угрозы, усмехнулся Сокольников. У крепыша после этих слов сразу же участилось дыхание, и раздулись ноздри, словно у молодого бычка. Он уже собирался прыгнуть к нам вниз, но строгий оклик хозяина его остановил.

– Эдик, не отставай!

– Давай, давай Эдик, догоняй! Занимайся своим делом! – спокойно посоветовал Сокольников.

– Ладно, мужик, после переговоров! – оскалился Эдик и бегом бросился догонять своего знаменитого патрона.

Ни я, ни Димка не придали этому малозначительному эпизоду совершенно никакого значения. Так перебросились между собой парой слов, посмеялись, пошутили, да и пошли дальше осматривать окопы и блиндажи, через минуту забыв о разговоре с неприветливым режиссёром и его грозным охранником.

Вообще за годы армейской службы мне приходилось встречаться с людьми, занимавшими высокие посты и потому считавшими для себя правилом «тыкать» своим подчинённым, которые, по их мнению, были недостойны уважительного обращения. «Почему они так считали?» – мне не известно. Но таких было меньшинство, чаще мне всё-таки попадались достойные и воспитанные люди. Однако режиссёр, видимо, не относился к данной категории. Возможно, что это его поведение не было связано с издержками семейного или школьного воспитания. Скорее всё дело заключалось в другом. Просто, будучи человеком публичным, обласканным властью и общественностью, мэтр кинематографии в какой-то момент посчитал для себя возможным переступить через определённую границу нравственности, за которой начинается самое обычное хамство и банальное неуважение к достоинству человека. Конечно, такое высокомерие появляется не сразу. Оно вырастает постепенно, холится и пестуется по мере увеличения количества снятых картин, полученных премий, наград и регалий. Необходимо сказать, что этот недостаток, если его своевременно не увидеть, а, заметив, не придать особого значения, через некоторое время превратится в порок. Видимо именно такой изъян и возник у нашей знаменитости, и проявлялся он во всём: и в его выступлениях по телевидению, и в газетных интервью, и в общении с людьми. В конечном же итоге такое человеческое качество, как правило, постепенно порождает чувство непогрешимости, замешанное на высокомерии и тщеславии. Ну, а затем оно незаметно переходит в постоянную злобу к тому, кто позволяет себе любое, даже самое маленькое, критическое замечание в отношении человека, одолеваемого пороком себялюбия, ибо критика в таком случае ошибочно воспринимается, как покушение на собственную мнимую свободу. Ну, а злоба, как известно, есть вечный спутник мести...

– Эдик, я плачу тебе деньги и замечь большие деньги не за то, чтобы ты, как каменный истукан, стоял рядом и слушал, как меня оскорбляют. Мне какие-то мужланы просто хамят, а ты сопли жуёшь! – не оборачиваясь сквозь зубы процедил режиссёр.

– Степан Дорофеевич, не волнуйтесь, я приведу этого хама в чувство в самое ближайшее время и быстро вобью в его тупую башку, кто есть ху! – мгновенно отреагировал охранник.

– Вбей, Эдик, вбей! Мне наср...ть, кто он и откуда! Понял? Я всем плачу бабки, и этому консультанту тоже! А он от меня морду воротит, видите ли, я ему «тыкаю»! Ты им обоим, Эдик вправь мозги! А то, если один раз позволишь кому-то безнаказанно нахамить, потом открыто посылать будут на три буквы!

– Ну, что вы?! – хотел успокоить своего босса охранник.

– Да, да, Эдик! Будут посылать! Я знаю....

Вот такой разговор произошёл между маститым режиссёром и его телохранителем, пока мы осматривали декорации и естественно ничего не знали о его содержании и недовольстве режиссёра. Тут со съёмочной площадки до наших ушей донеслись отборные ругательства. Видимо, Димкин ответ здорово испортил настроение Зеркалович-Романовскому, и он теперь вовсю распекал своих сотрудников, решив на них сорвать свой гнев.

Глава третья

рассказывает о том, как во время съёмок можно сделать удивительную находку и даже услышать легенду о «живой земле».

* * *

Первый съёмочный день начался для нас не только со скандала с начальником охраны режиссёра, но и с небольшого происшествия. Сокольников потерял свои уникальные эксклюзивные «Командирские» часы, сделанные по спецзаказу в двух экземплярах. Их в 91-ом году прошлого века вручил мне и Димке лично начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Корабелов. Мы искали пропажу часа два, но наши усилия оказались тщетными. Хронометр словно в воду канул. Сокольников, конечно, очень сокрушался по этому поводу, да и мне было искренне жаль, ведь эти часы были дороги каждому из нас как память.

– Может, браслет порвался? – задавал сам себе вопрос мой друг и тут же давал на него отрицательный ответ, – но не мог он порваться, не мог!

– А ты их не снимал?

– Зачем мне их было снимать? Ничего не понимаю! Просто фантазмагория какая-то! – продолжал сокрушаться Сокольников по поводу потерявшихся часов.

– Давай ещё раз внимательно посмотрим! – предложил я. Мы только собирались тщательно облазить окоп, как нас позвали на съёмочную площадку. Поиски нам пришлось свернуть.

Не побоюсь повториться, но организаторским способностям режиссёра Зеркалович-Романовского можно было восхищаться. Всё кругом вертелось и крутилось. Каждый член съёмочной группы чётко знал своё дело. Мы внимательно и с большим интересом наблюдали за работой киношников, ожидая, когда нам предложат начать проконсультировать. Однако ни ко мне, ни к моему другу никто не подходил и ни о чём не спрашивал. Мы уже расстроились, что нам придётся добросовестно отсиживать на съёмочной площадке весь день, но...

Рядом с киносъёмочной площадкой находилась довольно большая деревня, жители которой с большим удовольствием принимали самое активное участие в массовках. Вот и мы, чтобы попусту не терять время и не бездельничать, решили «засветиться» в кадре в каком-нибудь эпизоде, если, конечно, фортуна решит повернуться к нам лицом.

Надев форму рядовых красноармейцев, мы вместе с другими статистами стали укрываться от налётов немецких самолётов, которые «бомбили» нашу переправу через Березину.

Было около шести вечера, когда режиссёр по мегафону дал команду: «Отбой! Всем спасибо! До завтра!». Вот так закончился наш первый трудовой день в качестве консультантов.

Измаявшиеся актёры, осветители, рабочие и все сотрудники съёмочной группы погрузились в автобусы и уехали в Бобруйск, в гостиницу, чтобы отдохнуть, принять холодный душ, смыть с себя пот, грязь, пыль и усталость, накопившуюся за день. Мы же решили остаться на площадке вместе с охранниками. Ночевать под открытым небом не было для нас экзотикой, а вполне обычным делом, да и на свежем воздухе спалось крепче, нежели в душном номере городской гостиницы, когда ночью было также жарко, как и днём. Во время съёмок одной из сцен я и Сокольников познакомились с местным пареньком. Разговорились. А когда он узнал, что мы не просто консультанты фильма, но и бывшие военные, то пригласил нас к себе на постой.

– А чего вам в город-то мотаться или на земле спать? Расстелем одеяло на сеновале, подушки у матери найдутся, ночи стоят тёплые. Если помыться пожелаете, то вместо душа – река, вон, рядом, – кивнул мальчуган в сторону Березины, – а то могу и баньку натопить,

как захотите. Молоко парное, огурчики, помидорчики свежие, сало, хлеб. Пойдём ко мне! – уговаривал нас парень. Делал он это так искренне, что мы не в силах были ему отказать.

Уже поздним вечером после баньки, растомлённые от «лёгкого» пара, разморённые от берёзового веника и сбросившие дневную усталость, мы уселись на веранде вечерять. Хозяйка, красивая женщина лет сорока, расстаралась так, будто принимала самых дорогих её гостей. Стол буквально ломился от всякой домашней снеди. Это было не удивительно, так как за время службы нам много раз приходилось бывать в Белоруссии и всегда нас встречали как родных. Белорусы, пережившие страшную войну и долгую фашистскую оккупацию, не просто уважали солдат и офицеров, они их обожали и любили. Слишком уж великие мучения претерпели жители Белой Руси от фашистов, да и потери для этого немногочисленного народа во время войны были чрезвычайно большими – каждый четвёртый белорус лёг в землю.

– Наливайте, ешьте-пейте гости дорогие, не стесняйтесь! – угощала нас хлебосольная хозяйка, – закусывайте, почувствуйте себя как дома!

– Спасибо, Мария! – ответил Сокольников.

– А хозяин где же? Может, подождём? – поинтересовался я у хозяйки.

– Долго ждать придётся, да только не дождёмся! Погиб мой муж! В Афганистане погиб перед самым выводом. Я ведь замуж рано вышла, сразу после школы. Сама-то я не местная, а рязанская. Вот в Рязани с ним и познакомилась. Он десантное училище там закончил. Год всего вместе пожить и успели. Мне ещё и девятнадцати не исполнилось, когда я вдовой стала. Алёшке тогда три месяца всего было. Мой муж родом был отсюда, родители его здесь живут, похоронен он на местном деревенском погосте, куда же я от него теперь?

– Простите, Маша! Простите, не знал! – извинился я.

– Тогда давайте помянем его и всех тех, кто погиб, честно выполняя свой солдатский долг! – тихо проговорил Димка, наполнил всем рюмки, поднялся и, молча, выпил.

– Вам там тоже довелось побывать? – спросила хозяйка.

– Нам много, где довелось побывать! – грустно улыбнулся Сокольников.

Вначале беседа за столом не клеилась, какие-то общие слова да дежурные фразы, но вино сделало своё дело. Постепенно разговор наладился и вскоре переключился на весьма злободневную тему, которая сейчас активно обсуждалась жителями всех близлежащих деревень и сёл. Конечно, этой важной темой был фильм о войне.

К нашему удивлению отношение местных жителей к сюжету фильма было довольно критичное. Большинству из них не совсем нравилось, как мэтр российского кино интерпретировал ход боевых действий и поведение главного героя фильма, что-то смущало их, когда комдив Мартов, роль которого исполнял сам режиссёр, допускал резкие выражения в отношении Сталина. Простых людей, переживших войну, трудно переубедить в той реальности, которую они видели своими глазами, а не понаслышке. Белорусы – народ мудрый, много испытавший, и именно поэтому они сразу же почувствовали какую-то фальшь и неискренность в поведении Зеркалович-Романовского-Мартова. Мы засиделись далеко за полночь, обсудив все проблемы и темы, начиная от кинематографических и заканчивая, как это принято в наших компаниях, насущными политическими вопросами. Можно было бы посидеть и ещё, но всё хорошее когда-то заканчивается.

Я поблагодарил хозяйку за её гостеприимство, и мы отправились на сеновал, где мне и Димке уже было подготовлено шикарное спальное место. Однако выспаться в ту ночь нам так и не пришлось.

Закончив долгий ужин, мы вышли во двор, посидеть и покурить перед тем, как отойти ко сну. Ночь приближалась к своему исходу. Уже пропели третьи петухи. Небо постепенно начало терять свою ночную темноту, приобретая серый предрассветный цвет. Померк блеск звёзд, и большинство из них уже невозможно было увидеть. Стояла необыкновенная тишина, немного жуткая в своём безмолвии. Даже сверчки почему-то вдруг перестали стрекотать.

От воды пахло свежим, чуть прохладным воздухом, и в этот миг неожиданно мёртвую тишину разорвал странный звук, похожий то ли на тяжёлый стон раненого, то ли на его последний предсмертный вздох. Мне даже на мгновение показалось, что это сама земля выдохнула из себя накопившиеся переживания и усталость. А, может, обиду?

От реки поднимался белый вязкий туман. Он большими рваными хлопьями медленно надвигался на нас. Внезапно воздух передо мной сгустился и приобрёл консистенцию непонятной субстанции похожей то ли на кисель, то ли на расплавленный свинец. В этом непонятной образовании я вдруг увидел себя как бы со стороны в глухом лесу, возле небольшой избушки-зимовья. В правой руке у меня был немецкий автомат, а левой я крепко прижимал к себе плачущего мальчугана, худенькое тело которого вздрагивало от рыданий. Это наваждение длилось буквально доли секунды. Я тряхнул головой, и видение также неожиданно, как и появилось, пропало, оставив на сердце необъяснимую тревогу от предчувствия какого-то грядущего и непонятного события. Сказать, что меня напугало это видение, я бы не рискнул, но и утверждать, что оно было реальностью, тоже не стал бы.

– Что это было, Саня? – еле слышно спросил Димка, прервав мои размышления. – Будто кто застал от боли?

– Не знаю, Димыч, но похоже на то! – неуверенно ответил я своему другу.

– Правильно, сынки! – раздался позади нас голос. Мы мгновенно обернулись. Сзади стоял незнакомый старик. Он неслышно подошёл и, стоя за нашими спинами, слушал, о чём мы говорили. Незнакомец был высокого роста. Седой. С сильными жилистыми руками.

– Доброй ночи! Угостите табачком!

– Садись дедушка! Закуривай! Ты местный?

– Местный, местный я! Дедом Василием меня звали, а по отцу Петровичем!

– Что значит, звали? – удивился Сокольников.

– Да это я так! Слышу, про землю нашу говорите!

– Говорим, дедушка! Вроде как плачет земля? – ответил я.

– Правильно говорите! Это земля наша от боли стонет. Терпит- терпит, как человек, скажем, зубную боль. А потом, когда далее терпеть мочи нет, закрипит, заплачет, чтобы легче, ей родимой, стало, – тихо проговорил старик.

– Что за боль? Сказка какая-нибудь поди? – осторожно поинтересовался Сокольников.

– Какая там сказка? Живая здесь земля!

– Что значит живая? – не удержался я от вопроса.

– Так ведь во время войны бои здесь были жестокие и кровавые. Наши войска по Березине от Бобруйска и до Борисова оборону держали. Немцев они здорово потрепали, но и нашим солдатам досталось. Полили землю они своей кровушкой, ой как обильно. Многие из них так и остались лежать здесь незахороненными. Кое-кого местные жители, конечно, смогли похоронить, но для большинства могилой стал окоп, кому-то досталась траншея, а кому-то – блиндаж. Вот и приходят сейчас их души, не упокоенные, сюда, чтобы не пропустить чёрные силы в наш мир. До сих пор воюют солдатики наши там, – Василий Петрович поднял глаза куда-то вверх, указывая, где сейчас сражаются с противником наши павшие несколько десятилетий назад бойцы.

– Интересная легенда!

– Не легенда это, ребятки, не легенда! В этих местах иногда такие чудеса происходят, что поверить в них невозможно.

– Например.

– Ну, человек, скажем, может получить известие из прошлого от самого себя, или из будущего, кому как повезёт.

– Да ладно, тебе, Петрович! – усмехнулся Димка.

– Думаете, дед выпил лишку и теперь спяну вам тут лапшу на уши вешает? Нет, ребятки, это очень серьёзно. Именно в июле, то есть с той самой поры, когда здесь самые кровопролитные бои шли, каждый год теперь земля наша начинает стонать от боли. Она как бы предупреждает, чтобы не волновали души погибших. Вот тогда надо быть очень осторожным, а то можно попасть в очень необычную ситуацию.

– Что за ситуация, дедуля?

– Ну, вроде испытания для человека, его стойкости, духа, силы воли, то есть как проверка его на прочность.

– Какое испытание, Петрович? Говори ты толком... – мы почти до восхода солнца расспрашивали нашего рассказчика о местном чуде, но так и не поняли, в чём же состоит суть этого испытания. Хотя, может, старик нам просто не смог чётко и доходчиво разъяснить сущность происходящего в этих местах необычного явления, а, может, причина нашей непонятливости была более банальна, и заключалась она в количестве выпитой нами Марьиной настойки на травах? Не знаю! Сейчас я даже и не возьмусь об этом судить, так как детали тех наших посиделок уже невозможно вспомнить. Хотя перед тем, как уйти, Петрович как-то невзначай сказал мне напоследок довольно странную фразу: «Вижу, ты уже побывал там?»

– Где там, Петрович?

– Так ежели расскажу, то всё равно не поверите! А вот держи на память от меня! – сказал старик и протянул мне какую-то вещичку.

– Что это?

– Реликвия! – после этого Петрович встал и, пожелав нам всего хорошего, и, шаркая ногами, направился к своему дому, темневшему недалеко от того места, где мы сидели. Только, когда окончательно рассвело я смог рассмотреть старикову реликвию. К моему большому удивлению, это были «Командирские» часы. Я почему-то машинально бросил взгляд на правую руку. Мои были на месте.

– Твои! – уверенно сказал я и протянул часы Сокольникову, который несколько растеряно взял их из моих рук. Он рассматривал часы так, как будто видел впервые.

– Твои часы, твои! Мои вот! – я вытянул правую руку и продемонстрировал свои «Командирские» Димке.

– Мои-то мои, – чуть обескуражено ответил Сокольников, – да не совсем. У меня как новенькие были, а этим...

Я взял у Димки часы и внимательно начал их изучать. Действительно, они выглядели довольно изношенными, позолота на корпусе основательно истёрлась, кварцевое стекло было сильно поцарапано.

– Где их Петрович нашёл? Ну не могли же они так износиться за те несколько часов, что я их потерял? – задумчиво рассуждал сам с собой мой друг.

Глава четвёртая

рассказывает о том, как нельзя забывать ссоры, ибо они иногда имеют самое непредсказуемое продолжение.

* * *

Алёшка, сын хозяйки, разбудил нас в шесть утра. Хотя мы и легли спать всего пару часов назад, но два часа отдыха и крепкого сна нам вполне хватило, чтобы быть в форме и восстановиться физически. Делая лёгкую утреннюю разминку, мы вышли с сеновала во двор и сразу же в саду под яблоней увидели стол. На нём что-то стояло накрытое полотенцем, вышитым по краю красивым белорусским орнаментом. Мария уже занималась хозяйством и хлопотала возле горевшей печи.

– Доброе утро, гости дорогие! Садитесь завтракать, – жестом руки она пригласила за стол и убрала полотенце. На столе стояли тарелки со свежими помидорами, огурцами, крынка молока, домашний творог, сметана и большая миска янтарного цвета мёда.

– Идите умываться! Полотенца возле умывальника. А хотите, на Березину сходите, искупайтесь. Вода прохладная, чистая. Тут недалеко! Я вам блинов напеку к возвращению.

– Доброе утро, Мария! А действительно, пошли Дима на Березину, когда ещё такая okazия будет?

– Алёша, – позвала Мария сына, – проводи гостей на реку! Покажи, где удобно купаться!

– А что это дом вашего соседа в таком заброшенном состоянии? Некому помочь Василию Петровичу? – деликатно поинтересовался Сокольников.

– Вы с ним знакомы? – вскинув брови, чуть удивлённо спросила хозяйка.

– Да так, встречались..., – неопределённо ответил Димка.

– И давно встречались? – немного настороженно поинтересовалась Мария.

Сокольников ничего не ответил, но выразительно повёл глазами, мол, понимаете, как хотите.

– Странно! – улыбнулась Мария.

– Что странного? – в один голос переспросили мы.

– Просто обихаживать участок некому, потому как дом уже давно заколочен. Дед Василий умер несколько лет назад.

Такой развязки мы не ожидали. Вопросов у нас по данному поводу возникла уйма, но ответов на них мы дать не смогли. Конечно, мы с Сокольниковым были удивлены нашей ночной беседой с человеком, которого уже не было. Лично мне никогда раньше не приходилось бывать в таких необычных ситуациях, да и Димке тоже. Однако рассказывать своей хозяйке о встрече с её давно умершим соседом мы не стали. Кто бы поверил, а на смех вполне спокойно поднять могли бы. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как пойти на реку.

До Березины было полкилометра пути. От дома до реки вела хорошо утоптанная тропинка. Пройдя через поле с густой, высокой травой и небольшим кустарником, мы через несколько минут вышли на берег Березины. В этом месте был хороший песчаный пляж, да и река довольно широкая и глубокая. Русло здесь делало крутой поворот, и течение было довольно сильное. Немного выше пляжа находился перекат и потому ниже его образовался глубокий бочаг. Идеальное место для купания.

Я и Димка с разбегу бросились в реку. Мы долго плавали, плескались, наслаждаясь утренней прохладой воды. Было необыкновенно хорошо, даже не хотелось выходить на берег. Я и мой друг так увлеклись купанием, что даже не заметили, как в метрах пятидесяти от нашего

пляжа остановился микроавтобус, из которого вышел сам кинорежиссёр Зеркалович-Романовский и ещё несколько человек.

Режиссёрская свита вела себя довольно шумно и даже несколько развязно, поэтому нам поневоле пришлось обратить внимание на приехавших киношников.

– Как водичка? Доброе утро! – весело спросила нас, сбежавшая с крутого берега на пляж, дочь режиссёра. В фильме своего отца она играла одну из главных ролей. Это была довольно симпатичная и приятная в общении девушка и что удивительно, она не унаследовала от своего знаменитого папы его апломба и высокомерного отношения к людям.

– Доброе утро, Леночка! – приветливо ответил я девушке, – вода просто замечательная.

– Дядя Саш, а вы ночевали в деревне? Вот здорово! Я сегодня тоже останусь здесь с вами и дядей Димой, можно? А то в городе так жарко и тоскливо.

– Конечно, Леночка, оставайтесь! Ну, где вы ещё сможете попить парного молока и покушать помидоров да огурчиков прямо с грядки? – ответил Димка, выходя на берег, и по прыжке прыгая на одной ноге, вытряхивая из уха попавшую туда воду.

Услышав наш разговор, режиссёр недовольно поморщился. Общение его дочери с нами произвело на знаменитого отца юной актрисы самое неприятное впечатление. Он был очень удивлён, что его Леночка может иметь такие приятельские отношения с какими-то «солдафонами». И по выражению лица режиссёра было хорошо видно весь спектр его чувств, начиная от негодования и до злости.

Пока мы вели светскую беседу с молодой актрисой, Зеркалович-Романовский жестом подозвал к себе одного из прибывших с ним сотрудника. Я не слышал, что он там говорил ему, так как даже не смотрел в ту сторону. Но, как оказалось, это был директор съёмочной группы, которому режиссёр приказал дать нам полный расчёт, то есть уволить подчистую и без объяснения причины.

– Гриша, чтобы этих... сегодня же в группе больше духу не было. Мне их услуги в качестве консультантов не нужны! Уволить! – сказал Зеркалович-Романовский своему администратору.

– Степан Дорофеевич, но этих людей рекомендовал главный консультант нашего фильма генерал Корабелов, – попытался возразить директор, чем вызвал ещё большее раздражение своего шефа.

– Я же сказал, гнать! Мне что, сто раз повторять нужно? Уволить! Смотри, Гриша, а то я и тебя уволю вместе с ними! Тоже мне защитник прав человека нашёлся! – резко, тоном человека, не привыкшего слышать возражения, сказал режиссёр.

– Гнать, так гнать, но только замечу, что главный консультант фильма в дружеских отношениях с президентом Лукашенко. Они вернутся, расскажут генералу, а тот обидится за своих ребят, и тогда нам без поддержки генерала ничего здесь не получить. А у нас, Степан Дорофеевич, массовки грандиозные, техника военная и прочее. Боюсь, если вместо воинских подразделений, мы станем привлекать статистов, то это нам вылетит в копеечку. Продюсеры опять же будут недовольны перерасходом средств, задержки всякие начнутся, – спокойно ответил директор, несколько не испугавшись грозного вида Зеркалович-Романовского.

Режиссёр и сам прекрасно понимал, что выгнать нас – это его блажь, причиной которой стала не наша дружеская беседа с его дочерью, а вчерашнее Димкино замечание и просьба вести себя корректно в отношении незнакомого человека. Конечно, такое замечание самовлюблённому человеку способно вызвать чувство мести и озлобленности.

Человек, который являлся на съёмочной площадке и царь, и бог, и воинский начальник, буквально горел желанием убрать нас с глаз долой. Однако он был прагматичным человеком, а потому мог мыслить трезво. Вывод из возражения своего директора он сделал правильный, что после столь необдуманного и скоропалительного поступка, как увольнение доверенных лиц генерала Корабелова, съёмочный процесс его фильма, с которым он связывал боль-

шие надежды, действительно может столкнуться с непредвиденными сложностями. Рисковать режиссёр не хотел. Замешательство Зеркалович-Романовского длилось недолго. Он обуздал свой гнев.

Ладно, пусть остаются, – тихо, сквозь зубы процедил режиссёр. Конечно, он был недоволен таким поворотом, но здравый рассудок победил.

– Хватит, купаться! – крикнул Степан Дорофеевич приехавшим с ним актёрам и сотрудникам, хотя большинство из них не успели даже не только войти в воду, но и раздеться. Однако возражать Зеркалович-Романовскому никто не решился. Все сразу стали быстро одеваться, а кто не успел этого сделать, те быстро бросились садиться в микроавтобус в купальниках и плавках.

– Эдик, – окликнул режиссёр своего телохранителя, – ты вынуждаешь меня напоминать, что я плачу тебе деньги, и хорошие деньги, не за то, чтобы ты открывал мне дверь машины, таскался со мной по всем светским тусовкам, волочился там за фотомоделями и демонстрировал себя красивого и сильного. Ты меня расстраиваешь, Эдик!

– Степан Дорофеевич! Вчера их с нами не было, я же не знал, что они останутся ночевать в деревне! – попытался оправдаться начальник охраны.

– Не оправдывайся, Эдик! Знаешь, что мешает плохому танцору?

– Я не оправдываюсь, Степан Дорофеевич. Разберусь прямо сейчас!

– Вот и разберись, Эдик, разберись! Не разочаровывай меня, дорогой! – сказал режиссёр, уже сидя в автобусе. – Поехали! – приказал он водителю.

Мы не слышали всех этих разговоров, когда решалась наша судьба как консультантов фильма, и тем более ничего не знали о неумном желании знаменитого режиссёра проучить меня и моего друга из-за мелочи, о которой мы давно уже забыли.

Микроавтобус укатил на съёмочную площадку. Время было ещё раннее. Съёмки начались приблизительно через час. Мы стали собираться в деревню.

– Дядя Саш! – раздался за моей спиной девичий голос, – почему вдруг папа так быстро уехал? До съёмок ещё целый час, а на самом деле начнём через два или три!

Я и Димка обернулись почти одновременно. Позади нас стояла Леночка Зеркалович-Романовская.

– А вы, почему остались?

– Так я на том берегу загорала!

– Ну, тогда вам сказочно повезло, пошли с нами, позавтракаем в деревне и потом на площадку!

Большой компанией мы, то есть я, мой друг Димка, Алёшка, сын хозяйки и Леночка, уже собирались двинуться по тропинке, ведущей в сторону деревни, как сзади нас окликнули.

– Стойте!

Наверху стояла машина, и по крутому берегу к нам спускался Эдик, начальник охраны режиссёра.

– Леночка, меня папа прислал за тобой!

– Эдик, я в деревню хочу сходить, попою молока, позавтракаю и вернусь с ними! – ответила актриса.

– Лена, папа строго наказал мне тебя привезти, причём немедленно! – настаивал телохранитель.

– Но, я же не маленькая девочка, чтобы мне приказывать! Скажи папе, что сама приеду!

– Давай не будем! Ты знаешь своего отца. Он меня с работы выгонит, если я тебя не привезу, – не отступал от своего охранник.

– Ладно, – ответила покорно Лена, – дядя Саш, принесите мне, пожалуйста, молока.

– Хорошо, Леночка, я принесу тебе целую крынку молока! – пообещал я девушке.

Актриса стала медленно подниматься вверх к машине. Однако Эдик уходить не торопился. Мне сразу стало понятно, почему он остался, да для этого и не надо было иметь семи пядей во лбу. По бегающим глазам охранника, не некоторой нервозности молодого человека, я легко догадался о его намерениях, тем более что с крутояра к нам спускались ещё двое крепких молодых парней, причём заходя несколько со стороны и как бы отрезая нам путь в деревню. Внешне эти ребята, эдакие бычки-здоровячки, с бритыми затылками и шеями как у борцов, выглядели очень внушительно и устрашающе.

– Дима, тебе не кажется, что это по нашу душу? – спокойно спросил я своего друга.

– Саня мне так не кажется, я просто уверен в этом. Я догадался сразу же, как только увидел Эдика, – ответил тихо Димка.

– Молодец, догадливый ты парень!

– А то!?

– Что будем делать?

– Саня, самоуверенных и молодых наглецов надо учить правилам хорошего тона! – недвусмысленно заявил Сокольников.

– Хорошо, Дима! Но только надо поаккуратней, чтобы мальчиков не покалечить.

– Постараюсь! – кивнул в ответ мой друг.

Подошедшие «бычки», как называл такого типа ребят мой друг, остановились приблизительно метрах в двух у нас за спиной. Я немного повернул голову и боковым зрением заметил, что правые руки охранников находятся под левой полкой пиджаков.

– Стало быть, у них имеются пистолеты! Дело заваривается серьёзное! – подумал я и посмотрел на Димку. Он тоже успел «просканировать» ребят и еле заметно глазами подал мне знак, что всё понял относительно огнестрельного оружия. Тем временем, Эдик, обнажив в улыбке свои красивые ровные и очень белые зубы, приблизился ко мне вплотную.

– Ну, что старичок, придётся за вчерашний «базар» ответить! Сейчас я буду учить тебя хорошим манерам! – развязно проговорил он мне в лицо.

– Эдик, что же ты такой интеллигентный на вид парень и так вульгарно изъясняешься, прямо как уголовник какой-то! А потом, слюной не брызгай, а то у меня уже времени нет, чтобы ещё раз искупаться! – насмешливо ответил я охраннику.

– Видно, плохо его родители воспитали, не объяснили, что к старшим надо обращаться на «Вы», – добавил Димка Сокольников.

– А чего же твой хозяин лично не приехал разбираться? Вы бы нас сейчас за руки держали, а он бы ногами избивал, как однажды это проделывал с пацанами малолетними. Помнишь, Эдик, на одной пресс-конференции? Ты тоже, наверно, рядом стоял? – спокойно спросил я чуть опешившего охранника.

Чтобы не держать читателя в неведении, о чём идёт речь, кратко расскажу о том жутком скандале, который я как-то наблюдал по телевизору во время одной пресс-конференции знаменитого кинорежиссёра. Приблизительно год назад, а может, чуть более, Степан Дорофеевич Зеркалович-Романовский как-то отвечал на вопросы журналистов. Пресс-конференция шла как обычно. Журналисты задавали приятные вопросы о творческих планах, и режиссёр, получая удовольствие от собственного красноречия, пространно отвечал на них. Неожиданно в зале возникло какое-то движение. Все журналисты дружно обернулись. Оказалось, что в крайнем ряду два молодых парня, лет двадцати не более, что-то стали выкрикивать в адрес маститого кинорежиссёра, причём, судя по выражению лица мэтра кинематографии, те фразы были весьма ему неприятны. Вполне вероятно, что скандала бы не случилось вовсе, но мальчишки стали швырять в режиссёра помидоры, один из которых угодил мэтру прямо в лоб. Зеркалович-Романовский, конечно, в первый момент «вероломного нападения» очень испугался. Правда, спустя мгновение, когда его охранники схватили этих юношей, режиссёр осмелел настолько, что подбежал к парням и одного из них с разбегу ударил ногой в лицо. Нет, это

не был удар профессионального бойца, ибо профессионал никогда бы не ударил связанного и беззащитного противника, а ведь мальчика в тот миг крепко держали за руки дюжие охранники. Я был крайне возмущён поступком режиссёра, ударившего ребёнка, пусть даже его оскорбившего, но всё-таки ребёнка. Это действие я бы назвал скорее выходкой трусливого человека, способного на любую подлость, нежели интеллигента дворянского происхождения, о котором так часто любил подчёркивать сам мэтр.

– Ну, что молчишь, Эдик? – вновь спросил я. – Чего же твой хозяин сам не приехал?

– Руки марать о тебя не захотел! Да, я и без него научу тебя, пень трухлявый, приличным манерам! – грозно проговорил охранник и так сильно толкнул меня своей выпуклой накачанной грудью, что невольно пришлось отступить назад. Ничего более он сделать не успел, так как я быстро схватил его двумя пальцами за нижнюю губу и, сжав её так сильно, что у Эдика выступили на глазах слёзы, резко потянул на себя. От дикой боли охранник буквально ничего не мог сделать и потому послушно, словно бычок на верёвке, сделал шаг вперёд. После этого я уперся нижней частью ладони в его подбородок, отпустил губу и в полсилы толкнул его голову назад, подцепив сзади его ногу своей. Проводить этот приём в полную силу не стоило, так как можно было запросто человека покалечить, а то и убить. Эдик мешком рухнул навзничь на песок. Он был немного оглушён и буквально ошарашен тем, что не смог понять, как же это всё произошло. Охранник быстро вскочил на ноги. Парню было до слёз обидно, что его, в прошлом чемпиона рукопашного боя милицейской академии и затем всего Управления, вот так запросто какой-то старый, как он считал, мужик завалил на песок. Хотя мне на тот момент было всего-то пятьдесят лет.

– Эдик, забирай своих ребят, и тикайте отсюда быстренько и по-хорошему! А то, если разозлите нас не на шутку, будет вам очень плохо, – улыбаясь, громко, чтобы слышали два других охранника, сказал Сокольников. Мы вот уже более сорока лет дружили с Димкой, а потому я прекрасно знал, что в данный момент за его этой с виду доброжелательной улыбкой скрывается далеко не благодущие.

Но на Эдика и его коллег предупреждение моего друга особого впечатления не произвело. От обиды и желания поквитаться со мной у телохранителя режиссёра буквально затмило мозги. Лицо Эдика покраснело, глаза у него, словно у быка, налились кровью. Одного взгляда достаточно было понять, что передо мной стоит уже не боец. В этот момент его покинул здравый рассудок, а значит и хладнокровие, уступив место ненависти и ярости. Вообще нужно сказать, что моя схватка с Эдиком произошла за доли секунды, поэтому его напарники не успели ничего предпринять, да, к тому же, и находились они от нас в нескольких метрах.

– Быкуешь, падла? Ладно, – взревел Эдик, утирая кровь, выступившую из уголков губ и потёкшей из разбитого носа тонкой струйкой, – сейчас мы вас будем мочить!

Он посмотрел на своих коллег, которые находились в некоторой нерешительности: «Ну, чего стоите, как бараны? Валите этих козлов!» – рявкнул на них Эдик.

Охранники, услышав команду, очнулись и разом кинулись на нас. Сокольников, как всегда, был оригинален и непредсказуем. Это его отличительная черта довольно часто спасала нас в самых сложных ситуациях. Димка как никто другой в отряде специального назначения в бытность нашей службы в ГРУ обладал талантом нестандартности мышления и поступков. Вот и сейчас он действовал в соответствии только ему понятному алгоритму, приняв неординарное решение, хотя и довольно простое.

Сокольников, повернувшись лицом к нападавшему, резко бросил тому в лицо полотенце, которым утирался после купания, крикнув при этом очень громко: «Берегись!». Охранник инстинктивно вскинул руки и замедлил на какое-то мгновение своё движение, но именно этой заминки, длившейся доли секунды, и хватило моему другу, чтобы нейтрализовать нападавшего противника. Димка просто ударил того очень сильно ногой в пах. Охранник, произнеся еле

слышно неперебиваемое на русский язык слово, колодой повалился на землю, и только после этого громко и протяжно завыл.

Второго противника, а по-другому нападавшего охранника, назвать было невозможно, я уложил рядом с первым также весьма быстро. Он, видимо, хотел сбить меня ударом ноги в грудь. Однако я увернулся от его выпада, сделав шаг в сторону. Но так как парень собирался вложить в удар всю свою немалую мощь, то он естественно после промаха по инерции пролетел вперёд, встретив на пути поставленную мной горизонтально правую руку. К тому же, я сделал резкое движение навстречу движению нападавшему противнику и не просто выставил руку, а сделал это на уровне его шеи. Мне не надо было бить парня слишком сильно. Всё остальное доделал закон физики. Охранник налетел своим горлом на выставленную мной, как шлагбаум, руку. От полученного удара у него резко перехватило дыхание, и он рухнул навзничь рядом со своим напарником, который в этот миг корчился от боли на песке.

– А ну, суки, на землю! – раздался истошный крик Эдика. Мы с Димкой оглянулись одновременно. Начальник охраны с искажённым лицом, размазывая одной рукой кровь по щекам, выхватил из кобуры, висевшей на левом боку под мышкой, пистолет и теперь наводил ствол оружия то на меня, то на моего друга. Пистолет в его руке сильно дрожал, и я готов был поспорить, что в таком состоянии он не попадёт в цель и с трёх метров. Но рисковать было нельзя. Обидно вот так случайно умереть от пули психопата.

– Я сказал на землю, падлы... – после этого вновь последовала длинная тирада слов, которые я просто не осмеливаюсь здесь привести. Мне было понятно, что Эдик находится на грани нервного срыва. В таком состоянии человек может выкинуть всё, что угодно. Ситуация напоминала перетянутую гитарную струну, готовую порваться в любую секунду.

– Как же ты, Эдик, с такими нервами учился в милицейской академии? – спокойно спросил я охранника, глядя тому в глаза, но держа в поле зрения и пистолет. Мало ли чего мог выкинуть этот молодой человек с неустойчивой психикой. А погибать от случайного выстрела, как я уже сказал, в мои и, думаю в Димкины планы, не входило.

– Да его, наверно, из милиции попёрли по состоянию здоровья? Эдик, а психика у тебя никуда не годная, слабые нервишки! К врачу надо бы! Аутотренингом позаниматься! На кавказские воды съездить! Валерьянку попить на ночь! – поддержал меня Сокольников.

– А ты хотя бы раз стрелял в человека? – вновь последовал мой вопрос.

– Разрешение-то на волюну у тебя есть? – спросил Димка.

Эдик затравлено переводил взгляд то на меня, то на Димку. Такое поведение было нашим небольшим психологическим приёмом. Своими вопросами мы старались сбить охранника с агрессивного настроения и немного выбить его из колеи.

– А мама у тебя есть, Эдик?

– Ох, Эдик, и трудно же тебе в тюрьме будет. Там как узнают, что ты бывший мент, уголовнички сразу тебя опустят. Ведь на «красную зону» тебе рассчитывать не стоит. Как ты думаешь, Саня?

– Конечно, не стоит! Он ведь не действующий мент!

– Это тебе Зеркалович-Романовский приказал нас замочить? – от этого вопроса, который задал Димка, телохранитель режиссёра вздрогнул.

– Подведёшь ты своего хозяина, Эдик! Он ведь по делу о нашем убийстве, как твой подельник, пойдёт! – сказал я охраннику, еле заметно придвигаясь к нему. Мне нужно было любой ценой подойти к нему на расстояние вытянутой руки, а там уже дело техники обезвредить противника.

Сложившуюся обстановку окончательно помог разрядить наш юный друг из деревни. Алёша смекнул, что внимание Эдика как-то надо отвлечь. И он нашёл замечательный выход. Мальчик просто бросил в воду большой камень. Раздался громкий всплеск. Начальник охраны

буквально на секунду отвлекся на этот шум. Но возникшей заминки хватило мне для того, чтобы пистолет Эдика оказался в моей руке.

– Дима, проверь этих! – указал я на всё ещё лежавших на песке охранников. Сокольников быстро осмотрел их.

– Саня, они тоже вооружены!

Я, тем временем, проверил пистолет Эдика. Патрон находился в патроннике, и пистолет был снят с предохранителя.

– Молодец, Алёшка, – подумал я, – спас кого-то из нас, а может и сразу обоих.

– Что будем делать с оружием? Утопим в реке? Пусть потом ныряют! – предложил Сокольников.

– Так и сделаем! – громко ответил я. Сокольников поймал пистолет, брошенный ему мной, и направился к реке.

– Вот что, Эдик, забирай своих «бычков» и быстро вали отсюда! Постарайся больше нам не попадаться! В следующий раз жалеть вас не будем, – посоветовал я охраннику и напоследок не удержался от поступка, которым мы в детстве совершали по отношению к главным своим недругам, пнул Эдика под зад коленом.

Нужно сказать, что весь инцидент, произошедший на берегу реки, занял не более двух минут. Однако дочь режиссёра увидела из автомобиля необычное поведение охранников и наши действия.

– Дядя Саша, что случилось? – запыхавшись от быстрого бега, спросила девушка.

– Ничего, Леночка! – успокоил я актрису, – просто мы показывали друг другу приёмы рукопашного боя. Правда, Эдик!

Охранник бросил на меня ненавидящий взгляд и кивнул головой в знак согласия. Двое его напарников уже поднялись и, поддерживая один другого, направились в сторону автомобиля. Мы уже хотели уходить в деревню, когда случайно я обнаружил, что потерял свой амулет. Это была обычная для кого-то, но необычная для меня пуля. Небольшой кусочек свинца достали из моего тела после нашей последней боевой операции, когда меня и Сокольникова бойцы спецотряда ГРУ и пограничники притащили с территории одного сопредельного государства. Нас тогда почти уже запаивали в цинк, когда сержант-фельдшер случайно обнаружил, что мы живы. Одну из пуль, которую достали хирурги, они оставили мне на память. С той поры этот девятиграммовый кусочек свинца стал для меня счастливым талисманом, хотя я особо не верил в чудодейственную силу всяких там штучек, но та пуля действительно спасала меня во многих опасных для жизни обстоятельствах. И вот теперь я её потерял. Видимо, во время драки цепочка, на которой она висел, оборвалась. Уйти без своего счастливого талисмана было невозможно, и я принялся его искать в песке. Димка без лишних слов понял, что случилось, поэтому сразу же принялся мне помогать. Мы руками перекапывали песок, чем очень удивили деревенского парнишку.

– Дядя Саш, а что вы ищете? – спросил мальчик. Я в двух словах объяснил ему, что ищу и почему эта вещь для меня очень дорога. На поиски ушло минут тридцать, но, как поётся в одной песне «кто ищет, тот всегда найдёт», наши усилия увенчались успехом.

– Алёша, видимо позавтракать нам у тебя не придётся! Видишь вон, сколько времени потратили? Спасибо за помощь! – сказал я нашему юному другу. – Но нам пора на съёмочную площадку идти. До встречи!

– Дядя Саша, дядя Дима, вечером тогда приходите ночевать, – умоляюще попросил Алёшка.

– Хорошо! А куда нам ещё идти?

Но только не могли мы знать, что этим вечером нам не придётся ночевать в деревне, так как нынешним днём произойдут столь необычные события, о которых мы вспоминаем до сих

пор, задавая себе при этом всегда один и тот же вопрос: «А были ли они, эти события, на самом деле?»

Глава пятая

рассказывает о том, как во время съёмок можно на себе ощутить дыхание давно прошедшей войны.

* * *

На съёмочную площадку мы пришли как раз в тот самый момент, когда вся группа уже прибыла из города и приступила к работе. Я и Димка хотели найти помощника режиссёра, чтобы у него узнать будем ли мы нужны сегодня, как увидели направлявшегося в нашу сторону Григория Соломоновича, директор фильма. Гриша, как называли за глаза этого грузного лет шестидесяти жизнерадостного мужчину, был как всегда в прекрасном настроении, да и вообще его никто и никогда не видел в расстроенных чувствах, хотя должность директора фильма считалась весьма ответственной, суетной и нервной. Вот и сейчас, подходя к нам, Григорий Соломонович широко улыбался. Он долго поочерёдно тряс каждому из нас руку.

– Здравствуйте, дорогие мои, здравствуйте! Уже всё знаю! Леночка мне подробно рассказала. Очень рад, очень, безмерно вам благодарен! Уважаю! – Гриша поочерёдно жал и тряс мне и Димке руку. – Это замечательно, что вы проучили Эдика, а то совсем зарвался, наглец. Степан Дорофеевич тоже ему вкатил. Всегда очень плохо себя вёл, очень! Ну откуда у человека, в душе своей бывшего милиционера, могут взяться хорошие манеры? – говорил директор, и в его голосе чувствовалась обида на главного охранника.

Хотя Григорий Соломонович принадлежал к той категории людей, которые не имели врагов, поэтому такое признание из его уст вызывало искренне удивление. Но, видимо, и ему досталось от любимца режиссёра. Однако я не мог сказать Григорию Соломоновичу, что это не Эдик зарвался, а Степан Зеркалович-Романовский слишком завысил оценку собственной личности и потому предоставил своему охраннику своевольничать. Мне было хорошо известно, что Гриша давно работает вместе с мэтром, буквально боготворит его за талант, и всё, что тот делает, считает гениальным творением гениального мастера, поэтому переубеждать человека в том, во что он верит искренне, дело совершенно бесперспективное. Я и не стал этого делать.

– Сейчас выезжаем на новое место натурных съёмок, – сообщил директор нам свежую новость, – в десяти километрах отсюда. Там шли очень тяжёлые бои. По сценарию именно туда привозят комдива Мартова, и он, как говорится с корабля на бал, сразу же вступает в командование сводным отрядом 4-й армии.

– А здесь эту сцену разве нельзя снимать? – спросил Сокольников, с сожалением указывая на отрытые траншеи и оборудованные блиндажи.

– Степан Дорофеевич сказал, что там натура лучше и колоритнее, и берег реки круче, – ответил Гриша.

– Ну да, деньги-то не из собственного кармана, – сказал я. Директор ничего не ответил на моё замечание, а только пожал плечами и многозначительно повёл глазами вверх к небу, мол, там виднее, что и где снимать.

– Там, куда мы поедem, Степан Дорофеевич хочет снять всего лишь два эпизода, один из них – это попытка немцев переправиться через Березину, а второй – его прибытие в штаб части накануне боя, – как бы по секрету сообщил Гриша и побежал по своим делам.

За время, что мы пребывали в экспедиции, я успел прочитать сценарий фильма и скажу откровенно, что он мне не пришёлся по душе, не понравился своей тенденциозностью, а кое-где и явной ложью. Автор очень уж сильно хотел показать всю жестокость войны, но, при этом, постарался приписать одному из главных героев фильма опрометчивые и скороспелые реше-

ния, принятые второпях, в смятении и страхе. А ведь именно тот человек, наделённый огромной властью, о котором шла речь и в фильме, знал истинную трагедию начала войны, а потому более других переживал за судьбу страны. Не нужно было быть очень догадливым и прозорливым, чтобы понять очевидный, тонкий и хитрый метод режиссёра принизить роль Сталина и свести к нулю значимость роли в борьбе с фашистами той политической организации, генеральным секретарём которой был Иосиф Виссарионович. Нужно сказать, что в сценарии мэтру российского кинематографа блестяще удалось это сделать. Однажды я попытался высказать своё критическое замечание не по всей концепции сценария, а по одному лишь маленькому эпизоду, который с точки зрения здравого смысла был просто абсурден, но увы, не получил должного внимания.

По сценарию фильма комдив Мартов, которого играл сам режиссёр Зеркалович-Романовский, получил назначение командовать сводным отрядом 4-й армии. Чтобы закрутить сюжет и посильнее впечатлить зрителя, автор придумал довольно абсурдную сцену, когда главного героя привозят прямо с лагерных нар на фронт и его выходит встречать всё штабное начальство.

– Но ведь идут тяжёлые бои, немцы предпринимают попытки форсировать Березину, – удивился я, – как же в этой тяжёлой обстановке штабные работники могут оставить штаб и выйти встречать нового командира? Скорее командир сам обойдёт всех штабных офицеров, но сделает это после боя. А вначале он попросит своего начштаба ввести его в курс дела. Познакомиться с боевой обстановкой, попросит показать на карте и по возможности на местности расположение частей и подразделений, какими резервами располагает сводный отряд 4-й армии, где проходит передний край, какими силами и в каком направлении наступает противник и прочее.

Будучи консультанта фильма, я обязан был вносить в него коррективы, которые, на мой, человека военного, взгляд не соответствовали действительности. Но помощник режиссёра, которому была изложена наша общая с Сокольниковым мысль, чуть не лишился чувств. Он очень испугался, замахал руками и принялся меня уговаривать, чтобы я ни в коем случае не подходил со своими предложениями к режиссёру.

– Что вы, что вы, Александр! Помилуй бог! Сценарий писал сам Степан Дорофеевич. Он очень ревностно относится ко всякого рода критическим замечаниям, поэтому прошу вас..., – он в мольбе сложил на груди руки.

– Но это полная чушь, когда во время боя все выйдут встречать нового командира! Начало июля 1941-го года. Немцы уже захватили Минск. Наступление их мотопехотных и танковых соединений стремительно. Бои скоротечны. Над нашими войсками всё время висит угроза охвата и полного окружения с последующим уничтожением. Не успел глазом моргнуть, и ты уже в глубоком тылу у противника, – поддержал меня Сокольников.

– Дмитрий, дорогой мой, я всё понимаю, но Миша так решил. Это же художественный фильм и творческий человек имеет право на вымысел, – ответил помощник, – я не советую вам говорить о своих замечаниях Степану Дорофеевичу. Это может его расстроить, и выбить из колеи, – после этих слов он сразу заторопился, видимо, любые критические разговоры относительно его патрона просто пугали помощника. Вот так закончился мой разговор, состоявшийся ровно день назад в гостинице Бобруйска.

Правда, помощник всё-таки рассказал о моих замечаниях, и режиссёр внёс кое-какие незначительные изменения в сценарий фильма, оставив в целом неизменным эпизод прибытия комдива в штаб. Однако эти новации сделали фильм ещё более несуразным, но об этом я расскажу чуть ниже. Ну, а сейчас, когда директор фильма предупредил нас, что съёмки перенесутся в другое место, мы стояли и не знали, что делать: ехать ли вместе со всеми, или остаться? Однако наши раздумья и сомнения длились недолго.

– Да, чуть было не забыл сказать, – подбежал к нам запыхавшийся Григорий Соломонович, – вы, товарищи мои дорогие, едете с нами! – Зачем и в качестве кого? В наших консультациях не нуждаются. Что нам делать на съёмках я не понимаю, если все наши замечания ему уже заранее будут неприятны? – с лёгким недоумением спросил Димка.

– Это не его распоряжение! У нас не хватает офицеров штаба, поэтому помощник режиссёра просил вас поучаствовать в съёмках. А потом вы очень фактурные! – сделал нам комплимент Гриша.

– У вас необыкновенный дар уговаривать, Григорий Соломонович!

А сниматься будем в массовке? – поинтересовался Сокольников.

– Ну не в главной же роли! – ответил я ему вместо директора, чем вызвал его смех.

– И не в массовке, и не в главной, а в качестве офицеров штаба, возможно даже кому-то из вас текст дадут. Я вам премию выпишу за целый съёмочный день. Обоим! – улыбнулся Григорий Соломонович и многозначительно подмигнул нам.

– А что, Саня, будет интересно попасть в фильм и увидеть себя на большом экране? – улыбнулся Димка.

– Ну и ладушки! – вновь пожал нам руки директор и быстро побежал по своим делам.

– Знаешь, Димыч, мы попали в обычный конъюнктурный фильм. Ты смотрел первую часть его фильма, как же он назывался? – спросил я своего друга, когда мы остались одни.

– Замученные звездой! – напомнил Сокольников.

– Точно! Так ты смотрел?

– Конечно! Полное фуфло! Бред! Свинство! Но дело в том, что американцы могут дать свою национальную премию только за такой фильм, где бы было опорочено наше прошлое. Мне даже стыдно за некоторых очень достойных актёров, которые в нём снялись, но это их профессия, Саня! Фигляры, одним словом! Видимо, для них главным является не искусство, а принцип: деньги не пахнут!

– Всё правильно, Дима! А насчёт актёров рассказали мне как-то одну историю. Помнишь, был такой артист? – я назвал фамилию одного очень известного народного артиста СССР.

– Ну, а как же?

– Так вот, когда ему в сериале Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» предложили большую роль, то ли Мюллера, то ли Бормана, он отказался. И знаешь, чем мотивировал свой отказ? А тем, что он секретарь партийной организации театра и не к лицу ему будет играть роль одного из руководителей фашистского рейха.

– Ну, Саня, тогда люди имели воспитание и понятие чести. А потом нам же не фашистов предлагают сыграть, а советских офицеров.

Вот так за разговорами мы доехали до нового места натурных съёмок. Нужно честно признать, что данное место было более удачным, нежели старое. На небольшом участке обрывистого берега, с которого открывался красивый вид на Березину, был сделан большой просторный блиндаж. По замыслу режиссёра именно здесь находился командный пункт, на который должен был прибыть новый командир сводного отряда 4-й армии.

Работа сразу же закипела, как только Зеркалович-Романовский вылез из автобуса и взял в руки мегафон. На новой площадке тут же все и всё задвигались и зашумели, но это движение не было хаотичным. Каждый член съёмочной группы чётко знал свою задачу. Не прошло и получаса, как я и мой друг были загримированы. Правда, над выбором формы нам пришлось попотеть, но костюмерам удалось найти для нас подходящие галифе, гимнастёрки и сапоги. Носить военную форму нам было не в диковинку, поэтому мы надели её без каких-либо казусов, достойных анекдотических рассказов. Судя по петлицам на моей гимнастёрке, меня произвели в полковники пехоты, а Димка стал пехотным подполковником-танкистом.

– Саня, ты погляди! Красота! Хотя в фильме стану старшим офицером, – довольный своим видом говорил Сокольников, поправляя ремень и одёргивая гимнастёрку.

Пока шли подготовительные работы, а для этого требовалось ещё час-полтора времени, мы решили с Димкой осмотреться. Ведь не часто можно оказаться в местах, где семьдесят с небольшим лет назад шли очень ожесточённые и кровопролитные бои. Буквально в десяти метрах от съёмочной площадки можно было всё ещё обнаружить те самые траншеи, хотя осыпавшиеся, заросшие травой и деревьями, но видевшие настоящие июльские бои 1941-го года и впитавшие кровь погибших советский солдат и офицеров.

Мы молча ходили по этим окопам, вернее по тому, что осталось от них, и чувствовали дух того давнего тяжелого времени. Сердце замирало от внезапно приходящих мыслей, что, может быть, именно где-то здесь погиб один из моих дядек, служивший до войны рядовым солдатом в части, расположенной где-то под Бобруйском.

– Дима, ты знаешь, мне отец рассказывал, что он со своей батареей выходил из окружения из-под Минска и вышел на наши войска в районе Березины, – очень тихо сказал я своему другу.

– Может именно в этом месте? – также шёпотом спросил Димка, – и вполне вероятно, что укрывался от осколков во время артобстрелов вот в этом блиндаже, – тихим голосом продолжил Сокольников и указал на небольшое отверстие в песчаной почве, которое могло служить амбразурой для пулемёта или использовалось для наблюдения за полем боя.

– Долго же здесь наши солдатики держались! Надо вход поискать, может внутри остались какие-нибудь бумаги, вещи, письма...

Вход долго искать не пришлось. Он находился, как и, положено, со стороны траншеи. Убрав осыпавшуюся землю, я протиснулся внутрь блиндажа. Там было очень темно. Немного дневного света проникало через маленькую бойницу. Вслед за мной в землянку пролез и Димка.

– Ну что тут?

Я достал брелок-фонарик и включил его. Блиндаж оказался довольно просторным с высоким потолком. В сторону реки выходила амбразура, но она почти была завалена песком, и от неё осталась небольшая щель. В центре помещения стоял «хромой» на одну ногу самодельный стол. На нём лежала гильза от снаряда. Она была сплюснута и то время служила лампой. Я осторожно взял гильзу в руки и потряс её. Внутри захлюпало масло.

– Смотри-ка, не вытекло! Интересно, а гореть будет? Дима, у тебя зажигалка или спички есть? – тихо, словно боясь кого-то потревожить, спросил я своего друга.

– Держи! – протянул он мне коробок со спичками.

На наше удивление фитиль, торчавший из гильзы, загорелся сразу, как только я поднёс к нему зажжённую спичку.

– Надо же столько лет прошло, а масло не вытекло и не испарилось! Чудеса прямо! – только и прошептал Сокольников.

Лампа-гильза настолько сильно разгорелась своим чадящим пламенем, что практически полностью осветила весь блиндаж.

– Судя по размерам, это не командный пункт роты и даже не батальона, – сделал я вслух предположение.

– И, возможно, даже не полка, – добавил Димка.

Действительно блиндаж был очень большим и сделанным на совесть, даже обшит изнутри досками. Та его часть, в которой мы оказались, видимо, являлась основной, а в противоположной стене, обращённой к склону крутого речного берега, был выкопан запасной выход. Рядом с ним также стоял полусгнивший стол и несколько истлевших деревянных чурбачков, когда-то служивших стульями.

Мы внимательно исследовали блиндаж, но ничего интересного и необычного не нашли: пустые гильзы от винтовок, черепки от глиняной посуды, помятый в нескольких местах металлический котелок, пробитая солдатская каска, а также заржавевшая от долгого времени трёхлинейка без затвора, но со штыком.

– Ладно, пошли, а то съёмки пропустим, – сказал Сокольников и направился к выходу. Он поставил ногу на невысокий земляной порожек и хотел уже протиснуться в щель, как вдруг нога его поехала по мягкой земле и, чтобы не упасть, Димка попытался схватиться хотя бы за что-нибудь. Но небольшое брёвнышко дверного проёма не смогло спасти Сокольникова от падения. Давно уже сгнившее, оно просто переломилось пополам. На Димку сверху посыпался песок и всякая труха, и в тот же миг потолок блиндажа стал угрожающе проседать. Задерживаться внутри было опасно. Я рванулся вперёд, упёрся руками в пятую Димкину точку и с силой вытолкнул его наружу. Следом за ним и мне удалось выбраться из оседавшего с каждым мгновением блиндажа. Мы вовремя покинули его, ибо через пару секунд после того, как из него выскочил я, сгнивший потолок рухнул вниз. Тонны песка и земли могли просто бесследно похоронить нас.

– Спасибо, Саня! Сплоховал я! Нельзя в таких местах ничего хватать руками, а тем более брёвна из-под потолка вышибать, – чувствуя свою вину за рукотворно созданную опасность, виновато сказал Сокольников.

– Прекрати! Слушай Димыч, мы с тобой как малые дети, во всякие места нос суём! Придавило бы сейчас!

– Не скажи, Саня! Мы с тобой как поисковики. Ведь могли бы там найти, скажем, чей-то посмертный медальон и тогда без вести пропавший, вновь бы обрёл имя. И не придавило бы нас с тобой, друг мой разлюбезный!

– Это почему же?

– Да почудилось мне, Саня, что блиндаж не рухнул бы до тех пор, пока мы бы из него не вышли.

– Поясни!

– Не могу! Интуиция! Земля здесь живая! Помнишь, старик рассказывал? Почувствовала она нас, признала в нас солдат, ну и пожалела забирать. Время пока наше ещё не пришло!

– Ну-ну! – покачал я головой. А что можно было мне сказать своему другу в ответ, когда я и сам об этом же подумал.

– А что это у тебя в руке, Саня? Планшет? – отвлёк меня от мыслей Димка.

– Не знаю! Думаю, чисто машинально схватил, когда потолок начал оседать, и я следом за тобой рванул.

Выскакивая из обрушившегося блиндажа, я, видимо, случайно схватил и вытащил с собой офицерский планшет. Он был очень старым, грязным и заплесневелым. Однако более всего удивил нас другое случайное открытие. Часы. Те самые, что вернул Димке старик. Ещё вчера они были ветхими и изношенными, а сейчас буквально на наших глазах за несколько секунд по непонятной причине вернули себе свой первоначальный вид. Позолота восстановилась, а кварцевое стекло вновь стало без единой царапины. И на руке у Сокольникова уже блистали на солнце совершенно новые «Командирские» часы, будто недавно собранные в цехе 2-го часового завода.

Глава шестая

рассказывает о том, как странные и удивительные случайно сделанные открытия не заканчиваются, но имеют не менее удивительное продолжение.

* * *

Конечно, история с часами была удивительной. Ответа на вопрос, как могло произойти, что старые часы в течение довольно короткого отрезка времени «превратились» в новые, ни у меня, ни у моего друга не было. И сколько мы ни гадали, никаких объяснений у нас этому феномену не находилось. Наверное, поэтому наше внимание само по себе переключилось на полевую сумку неизвестного погибшего офицера. Я очень старался вспомнить, как она попала ко мне, но и эти попытки мои оказались тщетными. «Прямо наваждение какое-то! Часы. Теперь вот – планшет!» – пришла вполне естественная в таких необъяснимых случаях мысль.

– Давай открывай его! – прервал мои раздумья Сокольников. Однако сделать это оказалось делом не простым. Металлический замок на защитном клапане сумки настолько был изъеден ржавчиной, что превратился в сплошной бесформенный кусочек железа. Открыть его не представлялось возможным. Но особых усилий, чтобы исследовать, что находится внутри планшета, не понадобилось. Нитки, которыми была прошита полевая сумка, за много лет, что она пролежала в земле, почти полностью истлели.

Я осторожно оторвал лицевую часть планшета. Сумка состояла из трёх отделений. В одном находилась полуистлевшая топографическая карта с нанесённой на ней обстановкой. Но разобрать почти ничего было нельзя. Бумага, пролежавшая более нескольких десятков лет в земле, начала буквально рассыпаться в руках, когда я попытался её развернуть.

– Оставь, Саня, домой вернёмся, я отвезу карту реставраторам, и они попробуют её реанимировать и восстановить. Давай дальше смотреть, – нетерпеливо сказал Сокольников.

Мы продолжили осмотр. Однако далее произошло то, что повергло нас в полное недоумение. Я осторожно приоткрыл среднее отделение и осторожно вытащил оттуда...

– Дима, это невозможно! Это есть артефакт, так как такого быть просто не может! Не верю собственным глазам, – сказал я своему другу, с удивлением рассматривая необычную находку, которую держал в руках.

– Вот это да-а-а...! – вслед за мной изумлённо протянул Димка.

Вообще было от чего удивиться, ибо в руке у меня находился небольшой полиэтиленовый свёрточек. Да причина нашего недоумения заключалась вовсе не в том, что я обнаружил целлофановый пакет, главное заключалось в том, что на этом свёртке было что-то написано и нарисовано до боли знакомое. Ещё полностью не развернув пакет, я почувствовал, как моё сердце сильно ёкнуло, и внутри зародилось лёгкое волнение, которое мне доводилось испытывать всегда, когда интуиция подсказывала о чём-то необычном и неожиданном.

Для того чтобы полностью прочитать надпись и рассмотреть рисунок, я должен был разложить пакет на земле. Полиэтилен за годы, проведённые в полевой сумке, несколько подпортился, особенно в местах сгиба. К тому же, пакет сильно прилип к кожаной поверхности сумки и немного порвался, когда я его доставал. Краски на нём, когда-то яркие и сочные, за шестьдесят с лишним лет потускнели. Однако то, что было написано на пакете, могло стать причиной сумасшествия любого нормального человека. Но мы были бывальными людьми, прослужившими не один десяток лет в армейском спецназе, где нас готовили для работы в глубоком тылу противника в самых экстремальных ситуациях, поэтому нас не смогло бы испугать даже внезапное появление инопланетян. Мы психологически были готовы ко всему, но сейчас сложилась несколько иная ситуация, так как нам пришлось столкнуться с тем, чего не могло существо-

вать в реальности. Но не стану утомлять читателя своими рассуждениями, а перейду непосредственно к удивительному открытию, которое повергло нас в глубокое изумление и смятение.

Итак, я полностью развернул пакет и аккуратно разложил на земле. На его лицевой стороне был нанесён рисунок, который и привёл нас в состояние полного недоумения, близкого к прострации. Я уже говорил, но повторяюсь, что нас готовили очень всесторонне, мы были готовы ко всему, но только не к тому, что, открыв офицерскую полевую сумку, пролежавшую в земле более семидесяти лет, достанем из неё целлофановый пакет, изготовленный в наше время. Да, да, дорогой читатель! Ты не ослышался! Я даже готов ещё раз повторить: «Мы нашли пакет, изготовленный в двадцать первом веке!» Почему я пришёл к такому выводу? Да по очень простой причине. С пакета на нас смотрел орден «Победа» с надписью «70 лет Великой Победы». Выражение наших лиц в ту минуту, наверно, было достойно кисти художника-карикатуриста.

– Что думаешь по этому поводу? – не поворачивая голову, удивлённо спросил я своего друга.

– Может, чья-то шутка? – таким же голосом ответил Сокольников.

– Не думаю!

– Почему?

– Пакет изготовлен пару лет назад, от силы три года. Положить его в планшет и, при этом, не попортить сгнившую сумку, маловероятно! Ты видел, в каком был состоянии планшет? Ну, что скажешь?

– Логично! Но этот пакет мог быть изготовлен десять лет назад, а тогда сумка была в более приличном состоянии.

– Десять лет назад была 60-тая годовщина. Сейчас, к примеру, не выпускают же пакеты к 80-ой годовщине, хотя до неё всего несколько лет осталось. Обычно вещи с символикой изготавливают в канун праздника, ну за несколько месяцев до него.

– Убедил! Ладно, давай посмотрим, что там внутри! Может, найдём ещё что-то такое из ряда вон...

Я осторожно вытряхнул содержимое полиэтиленовой сумки на землю. И вновь вот уже в который раз за прошедшие всего-то несколько минут после удивительной находки наши глаза в буквальном смысле полезли на лоб. Передо мной на траве лежал также коробок спичек, на этикетке которого был изображён первый космонавт планеты Юрий Гагарин, обычный блокнот для записей, конверт с символикой праздника Победы, аналогичной рисунку на самом пакете, гелевая ручка и газета «Правда» от 20 июня 1941 года.

– Димка, спички дай!

– Так они у тебя!

Я достал из кармана спички. На этикетке был изображён первый космонавт планеты.

– Интересно! Ладно, пошли на съёмку, а вечером самым тщательным образом исследуем всё, проанализируем и обдумаем.

– Да здесь есть о чём поразмышлять, – ответил Димка, кивнув на свои часы.

Сокольников собрал с травы наши находки, аккуратно сложил их в обнаруженный нами пакет, туда же он осторожно положил и полевую сумку.

Глава седьмая

рассказывает о том, как во время съёмок одного из эпизодов фильма по непонятным и необъяснимым причинам можно совершить прыжок во времени и оказаться в июле 1941-го.

* * *

На площадке, когда мы пришли, уже почти всё было готово к съёмкам эпизода: осветительная и прочая аппаратура расставлена, актёры переодеты и загримированы. Режиссёр Зеркалович-Романовский вышел в центр площадки и коротко ещё раз напомнил актёрам эпизод фильма. Инструктаж был недолгим.

– Комдива привозят на машине в штаб сводного отряда 4-й армии. Он одет в лагерную робу. Никто на него не обращает внимания. Мартов сам не понимает, для чего его сюда привезли. Звонит телефон. На проводе Сталин. Он разговаривает с начштаба и говорит тому, что комдив Мартов реабилитирован и назначен командиром сводного отряда 4-й армии. Всё! Все по местам! Начинаем! – закончил режиссёр.

Видимо, это были те самые изменения, о которых я говорил несколько раньше. По мнению мэтра, они были очень удачны и, главное, эффектны. Конечно, на зрителей такая сцена, как появление комдива в лагерной робе, должна была произвести нужное впечатление, но в жизни...? В жизни таких ситуаций не бывает.

Мы очень внимательно вместе со всеми прослушали это наставление. Когда Степан закончил, Сокольников, естественно, скептически хмыкнул и покачал головой, причём он сделал это так демонстративно, что его действия не остались незамеченными главным режиссёром. Зеркалович-Романовский круто развернулся и не без доли сарказма с нарочитой вежливостью, стараясь сохранить спокойствие, хотя желваки на его скулах так и играли, спросил: «Вы, господин консультант, изволите быть чем-то недовольны?»

– Степан Дорофеевич, простите меня, но так нельзя! Ведь эта сцена полный абсурд! – рубанул Димка без всяких экивоков и прочих условностей.

– И что же Вы предлагаете? – проявляя несвойственную в данной ситуации выдержку, снисходительно усмехнулся режиссёр.

– Ну, во-первых, почему комдив приезжает в арестантской робе? Что же его всю дорогу из лагеря до Москвы, а оттуда до штаба сводного отряда 4-й армии везли в ней? Не серьёзно, не логично и, главное, не солидно для такого уровня фильма. Вы же ведь не пасквиль снимаете?

– Это всё, или есть, во-вторых? – несколько раздражённо, но уже с небольшим интересом спросил Зеркалович-Романовский.

– Есть и, во-вторых! Мартов знает, для чего он приехал. Ему сообщили об этом сразу, ведь Сталин был его личным другом. По сценарию комдива даже принимает сам Иосиф Виссарионович в Кремле. И что? В Кремль он тоже в робе приходил? Или Мартова перед встречей со Сталиным переодели в форму, вернули ордена, а потом, после окончания разговора, в коридоре форму сняли и вновь переодели в робу? Согласитесь, Степан, но это для очень глупых зрителей. Но вы же не считаете нашего российского зрителя таковым? К тому же, комдив едет для того, чтобы остановить наступление противника, и это ему удаётся. Сталин не должен объяснять начальнику штаба сводного отряда 4-й армии, что к ним едет новый командир, что он его реабилитировал и прочее. Думаю, начштаба сводного отряда 4-й армии – это не тот уровень, чтобы Генсек давал ему какие-то пояснения относительно принятых им решений о назначениях в армии. Иосиф Виссарионович был несколько другим человеком. Вы согласны со мной?

– Откуда такие познания о Сталине? – усмехнулся режиссёр.

– Читал в детстве и юности много правильных книжек!

– Ну и какое ваше личное мнение о Сталине?

– Коротко такого человека трудно охарактеризовать, но и одного слова будет достаточно.

– Да? – искренне удивился Зеркалович-Романовский, – и какое же это слово?

– Гений!!!

– Я бы назвал его гением зла. Разве можно . . . , – хотел добавить режиссёр, но Сокольников даже не дал договорить.

– Можно! Мне все эти бредни относительно лагерей, репрессий и расстрелов просто надоели, ибо являются ложью и клеветой, причём бездоказательной, – довольно бесцеремонно перебил Димка режиссёра, – прошлое легко ругать, а, главное, это делать не страшно, и оболгать прошлое тоже можно очень даже просто, искажая реальность, которой уже по объективной причине просто не существует. И когда на откровенную ложь никто не может дать достойный ответ, так как не осталось в живых свидетелей тех давних и славных исторических событий, очень легко загнать отдельного человека и общество в целом в исторический тупик, за которым обязательно последует катастрофа с большим количеством жертв и даже гибелью государств и целых народов. Но давайте не будем начинать дискутировать на данную тему сейчас. Я ведь убеждений своих не менял и менять не собираюсь в зависимости от конъюнктуры и политической погоды на дворе!

Зеркалович-Романовский почему-то сильно покраснел, но отвечать моему другу ничего не стал и больше с ним не разговаривал, однако критику принял, и изменения в сценарий внёс. Именно поэтому съёмка эпизода на некоторое время опять была отложена, так как режиссёр, игравший в своём фильме главную роль, ушёл переодеваться и гримироваться заново. Приблизительно через час он вернулся и вновь, собрав актёров, стал давать им последние наставления: «Ребята, короче делаем так! Я выхожу из машины, направляюсь к блиндажу, и в это время начинается артобстрел. Все бегают, начинается паника, штабисты в растерянности, связь с войсками утеряна, немцы наступают. В этот момент звонит Сталин и приказывает, даже просит Мартова стоять на своём рубеже насмерть. В минуту опасности Сталин вспомнил о друзьях, которые могут его спасти. Всё! Все по местам! Да и пиротехники! Ребята не забудьте, что это должен быть артобстрел, а не фейерверк. Всё как на войне, по-настоящему, иначе зритель не поверит».

Актёры заняли свои места. Осветители включили юпитеры, оператор сел за камеру. Раздалась команда: «Мотор!» Съёмка началась.

Чёрная «эмка» выехала на площадку перед штабным блиндажом. Из машины вышел Зеркалович-Романовский. Он был в новенькой военной форме с иголки. Нужно сказать, что форма ему шла. На груди «комдива» блестели золотом и красной эмалью несколько орденов Ленина и Боевого Красного знамени. Режиссёр здорово вошёл в образ Мартова. Он властно подозвал к себе рядового бойца и что-то спросил его. Кивнув в ответ, «комдив» направился к штабу. По сценарию в этот момент мимо него должны были пробежать я и Димка Сокольников. По замыслу фильма пехотный полковник и подполковник-танкист уже находились на грани паники, которую должен был остановить своим талантом и волей вновь прибывший командир сводного отряда 4-й армии.

Процесс шёл нормально, правда, на площадке было излишне много дыма. Мы почти поравнялись с режиссёром-комдивом, когда раздался оглушительный взрыв. Причём он был настолько сильным, что ударной волной нас троих буквально швырнуло на землю. Мне пахнуло в лицо жаром, запахом пороха и гари.

– Ничего себе пиротехники!?! – с удивлением и одновременно восхищением подумал я, – действительно прямо как на настоящей войне. Однако они явно чуть перестарались.

Меня даже немного оглушило взрывом, и заложило уши. Я чуть приподнял голову и взглянул на Сокольникова. В этот миг несколько поодаль от нас раздался второй взрыв. Земля встала на дыбы и через мгновение рухнула на нас огромным количеством комьев, камней

и вывороченным с корнем мелким кустарником. Взрыв тоже был довольно мощным, опалив нас своим горячим дыханием. В ту же секунду в воздухе снова что-то прошелестело, и опять раздался оглушительный взрыв. Стоявшую в двадцати метрах от нас «эмку» комдива Мартова разнесло буквально в клочья. Рядом со мной упало небольшое дерево, словно срезанное острым ножом, и прокатилось по песку горевшее колесо разбитой машины.

– Не может этого быть, – мысленно сказал я самому себе, – ну, не могут же пиротехники применять оболочные боеприпасы. Это очень опасно и вообще...

И в доказательство моих догадок я увидел лежавшего недалеко от нас бойца. Мне было хорошо видно, как из его страшной раны на животе ручьём хлестала кровь. Тем временем, сильный шелест листьев продолжался, а взрывы стали немного удаляться в сторону от реки. Погода стояла безветренная. Я хорошо помнил, что утром, когда мы ехали на съёмку, было так тихо, что ни один листочек на деревьях не колыхался. Да и сейчас ветра не было, но...

– Боже мой, да это же настоящие снаряды! – пришла в голову, казалось, совершенно бредовая мысль. Но она была не такой уж и бредовой. Этот специфический звук, эту шелестящую мелодию несущих смерть боевых снарядов, которую они издают во время полёта в воздухе, мне приходилось слышать много раз. Вывод был очевиден: мы попали под настоящий артобстрел. Но кто мог стрелять из боевых орудий по съёмочной группе? Не подразделения же белорусской армии, участвующие в батальных сценах?

Однако надо было что-то срочно предпринимать, не лежать же ведь на земле до ночи. Артобстрел тем временем прекратился. Я по привычке взглянул на часы. С момента начала съёмок прошло всего лишь три минуты. Площадка перед штабным блиндажом выглядела весьма плачевно. Она была перепажана снарядами, на ней чадающим пламенем горели обломки машины, на которой прибыл «комдив», и лежали несколько раненых и убитых солдат.

– Дима, ты живой?

– Вроде живой, Саня! А что это было? Ты не находишь, что мы попали под настоящий артобстрел? Как-то всё это не очень похоже на имитационную стрельбу. Кто нас обстрелял? Вероятно, мы попали в зону армейских учений?

– Не знаю, Димыч! Спроси нашего режиссёра! Может это его задумка? Но сначала встали и быстро в штабной блиндаж! Там будем разбираться! – скомандовал я по привычке. Димка кивнул в знак согласия, вскочил на ноги, отряхнул брюки, одёрнул гимнастёрку, поднял упавшую на землю фуражку и взглянул в сторону реки. По удивлённому лицу своего друга мне стало сразу же понятно, что он увидел что-то весьма необычное. Я посмотрел, куда был устремлён его тревожный взгляд.

За рекой у противоположного берега копошилась большая масса людей в серо-зелёной униформе. И без бинокля можно было понять, что это солдаты. По доносившимся с того берега крикам, стало ясно, что они говорят по-немецки. Солдаты вели себя довольно спокойно. Они без суеты спускали на воду надувные лодки, а немного поодаль через реку наводился понтонный мост. К нему медленно ползли большие с чёрными крестами на бортах танки, знакомые мне по фильмам о войне, которые я смотрел в детстве. Всё происходившее было довольно необычно.

– Откуда взялось столько немецкой техники? Перед съёмками её не было – возникла в голове вполне естественная в такой ситуации мысль. Я знал, что сцены боёв должны были сниматься на полигоне, об этом генерал Корабелов договаривался лично с президентом Белоруссии.

– Но здесь же не полигон! Откуда тогда? – последняя фраза была произнесена громко вслух.

Недоумение моё росло с каждой секундой по мере того, как я наблюдал за разворачивающейся на противоположном берегу реки картиной. Однако в этот момент и наш берег вдруг словно ожил. Только сейчас я заметил, что рядом с нами находятся окопы полного про-

филя с ходами сообщения и хорошо оборудованные огневые точки, в которых находились бойцы с винтовками, некоторые с автоматами. Видимо, по окопам прошла команда «Огонь!» Кто отдал её, я не слышал. Но на немцев, изготовившихся на противоположном берегу реки к переправе, буквально обрушился шквал огня. Мне было хорошо видно, как солдаты, одетые в красноармейскую форму, начали стрелять из своих винтовок, автоматов, пулемётов. Где-то недалеко ударила артиллерия, и понтонная немецкая переправа перестала существовать. Несколько прямыми попаданиями понтоны разметало в разные стороны. Один танк, который медленно двигался по мосту, не останавливаясь, так же медленно соскользнул в воду и ушёл на дно. Одновременно с этим на противоположном берегу зачадили ещё три бронированных машины. Из них начали выпрыгивать экипажи. С высокого берега, на котором находились наши позиции, очень хорошо просматривалась местность за рекой. Вокруг нас шёл бой, бежали люди, но, казалось, что они нас не замечают.

– Что скажете режиссёр? Это ваша работа или...? – не совсем уверенным голосом спросил мой друг Зеркалович-Романовского. Но ответа мы не услышали. Я обернулся и увидел режиссёра, который, судя по глазам, находился в полной прострации или на грани безумия.

– Дима, можешь считать меня сумасшедшим, не знаю, как объяснить, но, кажется, мы реально оказались в июле 1941 года, причём, на Березине! – сделал я неутешительный вывод, от которого мне самому сделалось нехорошо. Нет, не то, чтобы я готов был лишиться чувств, а просто всё это было слишком невероятно.

Сокольников ничего не успел сказать мне в ответ, так как из блиндажа вышел офицер. На нём была выгоревшая гимнастёрка, прожжённая в нескольких местах. Он быстрым шагом направился прямо к нам. По знакам различия я понял, что это майор. Офицер приблизился к нам, вскинул руку к козырьку и доложил, обращаясь к Зеркалович-Романовскому: «Товарищ комдив, помощник начальника штаба сводного отряда 4-й армии майор Паутов. Части сводного отряда 4-й армии вступили в бой на заранее занятом и подготовленном рубеже».

Режиссёр, к которому как к командиру сводного отряда, обратился майор, всё ещё пребывал в полном отрешении ото всего происходившего и молчал, поэтому мне пришлось взять инициативу в свои руки, к тому же я и сам был в форме полковника.

– А где начальник штаба? – спросил я офицера.

– Начальник штаба, товарищ полковник, погиб сегодня утром! Прошу в блиндаж, а то здесь опасно! – спокойно сказал майор и с удивлением взглянул на Зеркалович-Романовского-Мартова, который продолжал молчать.

– Комдив контужен, ему врач нужен! – вступил в разговор Сокольников, чтобы как-то сгладить ситуацию и оправдать неадекватное поведение главного героя.

– Да, да! Сейчас я распоряжусь, – ответил помощник начштаба.

Майор Паутов первым направился к штабному блиндажу. Я легонько подтолкнул режиссёра в спину. Мы прошли первыми, а Степан послушно и отрешённо поплёлся вслед за мной и Сокольниковым.

– Степан Дорофеевич, возьмите себя в руки! – тихо прошептал Димка нашему режиссёру, но тот, кажется, ничего не слышал, не понимал и никак не отреагировал на слова Соколова.

Когда мы вошли в блиндаж, там находилось несколько офицеров, которые встали при нашем появлении.

– Здравствуйте, товарищи, сидите! Введите нас в курс дела, товарищ майор. На каком рубеже занял оборону сводный отряд 4-й армии, и какими силами располагает? – приказным тоном сказал я.

Из короткого, но толкового доклада помначштаба мне стало понятно, что в составе сводного отряда 4-й армии имеются одна пехотная дивизия, одна танковая бригада и артиллерийский полк.

– Да..., не густо!

– Сводный отряд 4-й армии не успели полностью сформировать. Делали это впопыхах. Собирали по крохам из частей, вышедших из окружения, и просто из солдат и офицеров, которые по тем или иным причинам отбились от своих полков. К тому же, дивизия у нас неполного состава, в танковой бригаде всего тридцать танков, а артиллерийский полк, по существу, усиленный дивизион, – доложил майор Паутов.

– Когда вступили в бой? – спросил я.

– Сегодня утром! Только что! Но наши отряды боевого охранения приняли удар немцев вчера, пока мы здесь окапывались.

– Потери вчера большие были?

– Большие, товарищ полковник, очень большие! В некоторых ротах до двадцати процентов личного состава потеряли, а раненых так ещё больше!

– Соседи справа и слева?

– Слева оборону держит 176-я стрелковая дивизия полковника Зайчикова, с нами непосредственно взаимодействует полк комбрига Серпилина. Справа от нас воюет 1-я Московская стрелковая дивизия полковника Крейзера совместно с Борисовским танковым училищем под командованием дивизионного комиссара Сусайкова. На нашем участке наступает 18-я усиленная танковая дивизия СС под командованием генерала Неринга, – продолжил майор, показывая на карте расположение частей сводного отряда армии, соседей и наступавшего противника.

– Спасибо, товарищ майор! Нужно сказать, что погибший начальник штаба хорошо организовал оборону. А, Вы, достойно его заменили! – сказал я. Действительно доклад майор сделал толково. Правда, фамилии Зайчиков и Серпилин резанули слух, где-то я уже их слышал, но вспоминать, где и при каких обстоятельствах, времени не было. Шёл ожесточённый бой, и надо было принимать на себя обязанности командира, чтобы руководить частями сводного отряда.

Я подошёл к стереотрубе, установленной прямо в блиндаже, и припал к окулярам. Немцы отошли от берега и, видимо, производили перегруппировку, чтобы начать новую атаку. Форсировать Березину с ходу своими передовыми отрядами им не удалось, теперь они ожидали подхода главных сил. Перед нами немного левее разворачивался для атаки танковый полк. Я насчитал более пятидесяти танков. Но к ним подходили всё новые и новые машины.

– Интересно, почему именно там немцы концентрируют танки? —

пришла в голову вполне естественная мысль.

– Майор Паутов! – окликнул я помначштаба, – глубину реки промеряли?

– Никак нет, товарищ полковник! Мы подошли и тут же стали окапываться! – доложил майор.

– А немцы это сделали успели! – ответил я, – и, вполне вероятно, ещё до начала войны, – но эти слова уже были сказаны не вслух.

– Начальник артиллерии!

– Я, товарищ полковник! – отозвался один из офицеров. Я обернулся. Передо мной стоял высокого роста подполковник с красными, уставшими от долгой бессонницы глазами.

– Противотанковую артиллерию, короче всё, что есть, на левый фланг! Немцы попытаются форсировать Березину в двух километрах от командного пункта. Там, наверняка, они нашли брод.

– Есть! – козырнул подполковник и бегом бросился выполнять приказ.

Конечно, меня можно было бы спросить, откуда, мол, я узнал, что именно там немцы предпримут попытку перейти через реку, то ответ мой был бы довольно прост: «Мы с Димкой Сокольниковым купались там сегодняшним утром, и именно поэтому я знал, что в месте, где танки готовились к атаке, река очень мелководна и там есть брод».

Боевые действия захватили меня полностью. В данный момент мне уже было как-то недосуг думать о том, каким-таким чудесным образом мы оказались заброшенными на несколько десятков лет назад. Сейчас главной для меня задачей было не пропустить фашистские танки через Березину, чтобы дать им возможность развить наступление в направлении Смоленска. И, хотя командиром сводного отряда 4-й армии был «комдив» Мартов, вернее режиссёр Зеркалович-Романовский, но офицеры штаба беспрекословно выполняли все мои приказы.

Тем временем, немцы собрали на том берегу довольно внушительное количество танков и двинули всю эту армаду вперёд. Видимо дно в том месте было немного илистым, ибо один из танков забуксовал и погрузился по самую башню. Но другой, двигавшийся чуть правее, смог преодолеть реку и вылезти на наш берег. За ним прошёл второй танк, третий, четвёртый...

– Что там артиллерия...? – заорал я таким голосом, прибавив ещё крепкое словцо, что все, кто находился в блиндаже, невольно вздрогнули, – задержать танки любой ценой!

– Товарищ полковник! – подошёл ко мне Сокольников, – разрешите мне?

– Что разрешить? – в первое мгновение я не понял своего товарища.

– Разрешите мне, товарищ полковник. Я – танкист, а потому знаю, как нужно бороться против танков! – твёрдо заявил Димка, глядя мне в глаза, и я не смог ему возразить.

– Хорошо! Возьмите взвод охраны, писарей, поваров, всех, кого считаете нужным и кого найдёте и встретите по пути. Слейте с наших автомобилей горючее и готовьте бутылки с зажигательной смесью! Остановите танки любой ценой! – дал я распоряжения своему другу.

– Есть, товарищ полковник! – непонятно чему радуясь, весело ответил Сокольников и бросился исполнять приказ.

– Кто там оборону держит? – спросил я помначштаба, указывая в сторону берега, где немецкие танки активно преодолевали брод.

– Батальон капитана Татура!

– Передайте капитану, что подполковник Сокольников будет координировать действие артиллерии и его батальона по отражению танковой атаки.

В этот момент зазвонил телефонный аппарат. Солдат-связист взял трубку и тут же вскочил по стойке «смирно».

– Товарищ комдив, – обратился он к Зеркалович-Романовскому, тихо и безучастно сидевшему в уголке блиндажа на берёзовом полене вместо стула, – это вас!

Режиссёр немного пришёл в себя, но, тем не менее, его поведение было всё ещё не адекватно той ситуации, в которой мы оказались. Он словно робот встал со своего места, подошёл к аппарату, взял из рук солдата трубку и приложил её к уху. Выражение лица Зеркалович-Романовского как-то моментально поменялось. Оно у него немного вытянулось, а глаза режиссёра стали напоминать взгляд безумного человека. Степан Дорофеевич как-то виновато улыбался, хотя назвать чуть скривлённые в бок губы улыбкой можно было с натяжкой, скорее она напоминала нервный тик. Я быстро подошёл к Зеркалович-Романовскому.

– Что произошло, Миша? С кем ты говоришь?

– Это бред, бред какой-то! Этого не может быть! Фантазмагория! Кошмарный сон! – еле слышно шевелил режиссёр побледневшими губами. Я буквально силой вырвал из его рук телефонную трубку.

– Слушаю!

– Говорит Сталин! – раздался в наушнике низкий голос.

Мне не только не пришлось лично слышать Сталина, но даже не довелось видеть его. Я родился через три года после смерти Иосифа Виссарионовича. Однако по чуть приглушённому голосу с лёгким грузинским акцентом мой внутренний голос и интуиция подсказали мне, что на том конце телефонного провода именно Он – наш Вождь. Видимо, в моём подсознании на генетическом уровне был заложен какой-то особенный код, способствующий тому, чтобы сразу же узнать голос Хозяина, строгого и справедливого.

– Слушаю Вас, товарищ Сталин! – невольно замерев перед телефонным аппаратом по стойке «смирно», ответил я.

– Кто у аппарата?

– Полковник Павлов!

Вообще такой разговор мог стать причиной шока. Ведь разговаривать с человеком, который умер до твоего рождения, факт невероятный, но и оказаться во времени, когда тебя не могло быть, также ситуация невообразимая.

– А где Мартов? Что с ним случилось? Это он подходил к телефону?

– Комдив Мартов очень сильно контужен, товарищ Сталин! Мы попали под артобстрел немцев, когда прибыли на командный пункт.

– А вы, полковник Павлов, можете доложить обстановку, а то я никак не могу добиться чёткой и внятной информации о реальном положении на фронте именно на вашем участке?

– Так точно, могу, товарищ Сталин! Сводный отряд 4-й армии держит оборону по реке Березина на фронте 20 километров и занимает промежуточное положение между Бобруйском и Борисовым. Справа от нас обороняется 176-я дивизия полковника Зайчикова, справа 1-я Московская полковника Крейзера, на левом фланге сводный отряд непосредственно взаимодействует с полком комбрига Серпилина. Нас атакуют части 4-й танковой армии 4-й полевой армии под командованием генерала-фельдмаршала Клюге. Прямо перед нами на участке сводного отряда наступает усиленная 18-я танковая дивизия СС генерала Неринга.

– Знаю и Серпилина, и Зайчикова, и Крейзера! – перебил мой доклад Сталин. В трубке наступила тишина. Я ждал.

– Нам надо, чтобы вы задержали продвижение немецких танков на несколько дней именно на этом направлении, чтобы подготовить встречу фашистских дивизий у Смоленска, – медленно проговорил Сталин.

– Задержим, товарищ Сталин! – уверенно ответил я.

– На сколько дней реально вы можете остановить немцев. Говорите правду, какой бы горькой она ни была.

– До пятого июля включительно, товарищ Сталин!

– Откуда такая точность и уверенность?

– Исходя из реально складывающейся обстановки и наличия сил и средств, товарищ Сталин! – ну, нельзя же мне было сказать Ему, что я прибыл из будущего и потому прекрасно разбираюсь в истории Великой отечественной войны, много читал на эту тему, да и мой тесть участвовал в создании 12-ти томного издания «История Второй мировой войны», поэтому мне хорошо известен весь ход военных действий от начального её периода до штурма Берлина и Потсдамской конференции, встречи в Тегеране и Ялте.

Я абсолютно точно знал, что наши войска будут вести ожесточённые оборонительные бои на занимаемом рубеже по реке Березина от Бобруйска до Борисова в течение трёх последующих дней с 3-го по 5-е июля 1941-го года. Именно упорство советских войск на данном рубеже не позволит немецкому командованию с ходу захватить Смоленск, откуда открывался прямой выход фашистских армий к Москве. Я также знал, что через три дня немцы прекратят свои безуспешные попытки прорвать оборону сводного отряда 4-й армии, а перенесут свои удары на наши фланги и в стыки с соседними частями стрелковой дивизии полковника Крейзера. Они рассекут своими танковыми клиньями нашу оборону, в районе Бобруйска и Борисова прорвут фронт сразу в нескольких местах и устремятся к Могилёву. Мы будем вынуждены отходить с тяжёлыми боями вглубь своей территории, вырываясь из окружения. Однако я не мог всего этого рассказать Сталину по телефону, так как не было времени, да и кто бы мне поверил.

– Хорошо! – после некоторой паузы раздался в трубке голос Сталина, – я надеюсь на вас и ваш отряд, полковник Павлов! Вы не ослышались. С этой минуты вы принимаете коман-

дование сводным отрядом 4-й армии, а комдива Мартова мы, по-моему, рано освободили из лагеря?!

После этого в телефонной трубке раздались частые короткие гудки. Однако вопрос «рано или не рано освободили Мартова из лагеря» меня сейчас занимал менее всего. После разговора со Сталиным я пребывал в таком эмоциональном состоянии, что мне в тот миг не жалко было свою жизнь отдать за Него. Невольно на память пришли не помню кем написанные стихи: «Спасибо Вам, что в годы испытаний, Вы помогли нам выстоять в борьбе! Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как может быть, не верили себе!» Я даже не заметил, как вполголоса произнёс эти строки.

– Чьи стихи, товарищ полковник? – удивлённо спросил майор Паутов, стоявший рядом со мной.

– Не помню, Володя! Да они ещё и не написаны! – ответил я, не обратив внимания на изумлённое лицо майора.

– Товарищи офицеры, – обратился я ко всем присутствовавшим в блиндаже офицерам штаба, – звонил товарищ Сталин, – услышав слово «Сталин», офицеры, которые сидели за столом и работали с картой, дружно встали. – Он просил нас продержаться на занимаемом нами рубеже, сколько мы сможем. Кроме того, я назначен командиром сводного отряда вместо контуженного комдива Мартова.

Украдкой я бросил взгляд на Зеркалович-Романовского. Он сидел в углу блиндажа, низко опустив голову и уставившись в одну точку у себя под ногами. Что сейчас думал этот известный в будущем режиссёр, мне было не ведомо, но я прекрасно понимал его переживания. Однако успокаивать обладателя премии заморской киноакадемии у меня ни времени, ни возможности не было, так как немцы начали пятую атаку за день.

Я руководил боем дивизии, бригады и десятком отдельных подразделений, но меня беспокоил один вопрос, который возник однажды во время небольшой передышки между атаками. В целом, зная итог войны, я ничего не знал о своей судьбе и судьбе моего друга, Дмитрия Серафимовича Сокольников. Ведь, если мы погибнем то, как тогда факт нашей смерти скажется на судьбе моих и Димкиных близких, особенно наших детях, оставшихся в сегодняшнем дне? Но вопрос этот был скоротечен, на котором некогда было заикливаться, так как фашисты настойчиво стремились переправиться на наш берег, захватить плацдарм и закрепиться на нём. Мы же упорно дрались с немцами. У нас не хватало людей, боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Сводный отряд 4-й армии нёс огромные невосполнимые потери, но мы продолжали держать рубеж. Нам не требовалось приказа «Ни шагу назад!», мы и без него стояли насмерть на Березине.

Глава восьмая

рассказывает о том, что можно ли вернуться назад в будущее, если не понятно, как оказались в прошлом.

* * *

Первый день нашего необычного пребывания в июле 1941-го постепенно подходил к концу. С его окончанием, с наступлением вечера, немцы снизили интенсивность своих атак и обстрелов, полностью прекратив их после заката солнца. Ночью наступила передышка.

– В темноте фашисты не воюют! Они по распорядку живут. Отдыхать привыкли по ночам! – со знанием дела сказал майор Паутов, которого я после разговора со Сталиным назначил начальником штаба сводного отряда.

– Володя? – обратился я к офицеру, – Вы давно на фронте?

– С 22-го июня, товарищ полковник. Я с женой и дочкой возвращался из отпуска. Мой полк около Бреста дислоцировался. Мы должны были в случае нападения перекрыть границу. Год назад назначили сразу после окончания академии. За Минском, почти возле Бреста, наш поезд попал под бомбёжку. Я попытался до полка добраться. Вообще со мной в эшелоне было много офицеров, все в свои части возвращались после летнего отпуска. А к концу дня 23-го июня мы напоролась прямо на немецкую танковую колонну. Оружия с собой никакого, кроме личного. Да много ли с наганом навоюешь? Ребят наших тогда полегло, вспоминать страшно. Жаль, что погибли, даже не успев повоевать. Нас бы всех поубивали, но, к счастью, в лесу наша танковая бригада находилась, вот мы к ней присоединились и вместе вступили в бой с фашистами. Немцев изрядно потрепали, почти всю колонну пожгли. Но это был всего лишь передовой отряд противника, а потом основные силы немцев подтянулись. А у нас в бригаде боеприпасы и горючее на исходе, и пополнить запасы негде. Вот так за три дня боёв почти все танки потеряли. Кое-как к своим пробилась. Там на пункте переформирования меня, как командира полка, назначили помощником начальника штаба сводного отряда 4-й армии.

– А жена с дочкой?

– Жена с дочкой во время бомбёжки в эшелоне погибли. Я вот живой, а они погибли, – тихо, почти неслышно договорил майор и замолчал. Мы не видели друг друга в темноте, но я почувствовал, как у него, увидевшего войну с первых дней, по щекам покатались слёзы. В его голосе чувствовались обида, досада и вина, что он, офицер, призванный воевать, рисковать жизнью, погибать за других, остался живым, а его жена и малолетняя дочка остались лежать там, под Брестом, в сгоревшем вагоне разбомбленного поезда. Он даже не смог похоронить своих самых близких людей. Майор молчал, и я не хотел прерывать эту внезапно возникшую паузу в разговоре. Каждый думал о своём. Хотя, может быть, именно в том, что майор остался жить, и заключалась высшая справедливость жизни, жестокая и неизбежная во время войны. Ведь должен же был кто-то отомстить врагу за гибель своих жён и детей. А кто мог это сделать, если не он, майор Паутов, и десятки, сотни и тысячи подобных ему советских офицеров?

– Простите, Володя! – прервав молчание, с трудом выговорил я, так как у самого подкапывал комки к горлу.

– Ничего! Вот рассказал вам, и как-то легче стало. Разрешите, товарищ полковник, пойти проверить ночные посты?

– Идите!

Начштаба ушёл. Я смотрел ему вслед и не знал, что майор геройски погибнет ровно через три дня. Он останется со взводом солдат прикрывать отход остатков 4-го сводного отряда после того, как противник окончательно своими танковыми клиньями разорвёт нашу оборону и пря-

миком устремится к Смоленску и Могилёву. Однако задачу свою мы выполним, удержав противника ровно на три дня.

Время уже было позднее, и я начал волноваться, что нет никаких известий о Сокольникове, который был направлен на самый опасный участок нашей обороны, чтобы не допустить прорыва немецкой танковой группы. Я уже собирался отправить вестового, как в штабной блиндаж вошёл Димка. Он был уставшим, грязным, в прожжённой на спине гимнастёрке с порванным рукавом, но главное живой, здоровый и, как всегда, неунывающий.

– Ваше приказание выполнено! Танки остановлены! – доложил он.

– Жив?! – обрадовался я другу.

– Для меня ещё фашисты пулю не отлили! – весело отозвался он.

– Разрешите представиться, командир сводного отряда 4-й армии полковник Павлов! – тихо на самое ухо сказал я Димке. – Лично Сталин Иосиф Виссарионович назначил!

– Так это Он звонил? – удивлённо и немного завистливо спросил Сокольников, – да Саня повезло тебе. С таким Человеком пообщаться, завидую, честное слово завидую! А с комдивом липовым что?

– Он до сих пор в прострации находится. Сидит и молчит! Да на него никто особо внимания не обращает.

– Ну и хрен с ним! А что Сталин тебе сказал? Расскажи поподробнее! Интересно!

– Попросил продержаться сколько возможно.

– Ну и как ты, Саня, думаешь, сколько мы здесь ещё сможем простоять?

– А ты, Дима, не знаешь, что оборонительные бои на Березине шли с 3 по 5-е июля. Сегодня было 3-е число, стало быть, нам два дня осталось: сегодня и завтра. И 6-го июля нас просто сомнут, сотрут в порошок! Потери у нас уже более 60 процентов личного состава. Оборону скоро держать будет некому.

– И что будем делать дальше?

– Не знаю Дима! А что ты предлагаешь?

– Надо выйти на свежий воздух и обговорить всё, что произошло. Кстати, ты блокнот, который мы нашли в блиндаже в наше, мирное, время, не потерял?

– Я положил руку на нагрудный карман гимнастёрки, блокнот был там.

– Нет, не потерял!

– Ну, пошли на свежий воздух. Да, и этого возьми! – сказал Сокольников, кивнув в сторону безучастно сидевшего режиссёра, и вышел из блиндажа.

Я позвал вестового и сказал ему, что буду ночевать на свежем воздухе в окопе рядом со штабом. После этого подошёл к сидевшему в уголочке режиссёру. Зеркалович-Романовский выглядел совсем не так, как всегда. И куда вдруг подевалась у человека его самонадеянность, высокомерие, его готовность долго и утомительно обсуждать проблемы любого формата от государственного устройства и до лечения женского бесплодия. Буквально несколько часов назад он собирался играть героическую личность, лихого комдива-героя Гражданской войны, личного друга Сталина, а потому был очень важным, таинственным, по-барски вальяжным, грозным для подчинённых, строгим к артистам. Но сейчас передо мной сидел совершенно другой Степан Зеркалович-Романовский, испуганный, подавленный, с затравленными глазами, напоминавшими глаза умалишённого человека. Мне не было жаль его, но и безразличности по отношению к нему я не испытывал. Как можно испытывать какие-то чувства к человеку, который вроде физически и визуально присутствует, но на самом деле вместо него пустое место.

– Выйдем! – тихо сказал я «комдиву», наклонившись к самому его уху. Зеркалович-Романовский послушно встал и, словно робот, безропотно двинулся следом за мной. Мы вышли из душного блиндажа на свежий воздух. Стояла прекрасная июльская ночь. Было так тихо, что даже трудно верилось в то, что завтра опять начнётся бой, и снова будут погибать солдаты

и офицеры, обильно поливая своей кровью родную белорусскую землю. Но это всё повторится завтра, а пока на безоблачном небе почти в самом зените стояла Луна, свет от которой красивой дорожкой отражался в, казалось, неподвижной воде Березины. От реки тянуло свежестью и прохладой. «Эх, сейчас бы искупаться! А потом приехать бы сюда в мирное время, да порыбачить! – подумал я и тут же удивился своим мыслям, – боже мой, о чём речь, какое мирное время? Мы всего-то один день в прошлом, а уже думаю так, будто родился в нём».

Я прошёл по траншее метров десять и увидел Сокольников. Он ждал нас, навалившись грудью на бруствер окопа и через бинокль просматривая местность за рекой. С немецкой стороны периодически взлетали осветительные ракеты и изредка ночную тишину разрывали длинные пулемётные очереди. Трассирующие пули хищным пунктиром со свистом пролетали над нашими позициями и исчезали в темноте.

– Завтра уже 4-е июля, Дима, – напомнил я своему другу.

– Помню! 5-го числа мы ещё повоюем, а 6 числа в пять тридцать утра немцы, чтобы не нести лишние потери, с воздуха раздолбают нас, как бог черепаху, к чёртовой матери и двинутся вперёд, на Москву. Могилёв они захватят практически с ходу...

Услышав слово «раздолбают», режиссёр так сильно побледнел, что даже темнота не скрыла этот его «недуг».

– Но нас не могут убить! – довольно категорично и немного истерично впервые за всё это время еле выговорил Зеркалович-Романовский. Он даже сам вздрогнул, услышав собственный голос.

– Почему нас не могут убить? – переспросил его Сокольников, – ещё как могут. Пуля-то она – дура, и не разбирает, кто мы и откуда прибыли.

– Но, это же какой-то бред, чушь, ахинея, абсурд! – вновь несколько плаксивым голосом заявил именитый режиссёр. – Вы только подумайте, ну какой может быть комбриг Серпилин, комдив Зайчиков. Это выдуманные персонажи, они из романа Константина Симонова «Живые и мёртвые». То, что произошло с нами, не может быть в реальности.

– Вы думаете, что мы все трое спим и одновременно видим один и тот же сон? – спросил я Зеркалович-Романовского, – или предполагаете, что это телевизионный розыгрыш шоумена Пелдиса Вельша? Очень сомневаюсь!

– И я сомневаюсь! Мы не можем одновременно видеть один и тот же сон, да и люди вокруг нас гибнут по-настоящему, – добавил Сокольников.

– Я где-то читал ещё в юности, по-моему, в журнале «Техника молодёжи», там раньше много интересных и необычных вещей печатали, о так называемых тоннелях времени, – неожиданно сказал режиссёр и замолчал.

– А поподробнее! – прервал мой друг затянувшуюся паузу.

– Подробностей, к сожалению, не помню..., – каким-то обречённым голосом ответил Зеркалович-Романовский и, обхватив от отчаяния голову руками, сел на дно окопа.

– Учёные из «Аненербе» называли такие явления «коридорами времени». Они считали, что в определённых точках земли возможно мгновенное перемещение человека, как в прошлое время, так и в будущее. Это явление возникает в результате сильных всплесков человеческих эмоций.

– Саня, откуда такие знания об «Аненербе»? – перебил меня мой друг. – И если можно, то поподробней!

– Если коротко в двух словах, то «Аненербе» переводится на русский язык как «Наследие предков». Это научно-исследовательское учреждение было создано по приказу самого Гитлера, но под личным патронажем рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, поэтому некоторое время спустя оно стало ведущей научно-исследовательской структурой в рамках СС. «Аненербе» занималось поиском следов древних цивилизаций и их тайными знаниями. Специалисты этой организации, которая, кстати, на Нюрнбергском процессе была признана преступной, искали

способы управления человеческим сознанием для последующего зомбирования. Использовали они в своих изысканиях и различные магические секреты древних, ну а основной целью – это, конечно, разработка новых технологий для генетического создания «сверхчеловека».

* * *

«Аненербе» («Наследие предков»), – немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков, созданное 10 июля 1935 года по инициативе рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, расолога Рихарда Вальтера Даре, группенфюрера СС и исследователя древней германской истории Германа Вирта. Это общество было одной из самых необычных официальных организаций Третьего Рейха. Идеологическая основа «Аненербе» была заложена Германом Виртом, который в своей книге «Происхождение человечества», изданной в 1928 году, доказывал, что у истоков человечества стоят две проторасы: нордическая, духовная раса Севера, и гондваническая, охваченная низменными инстинктами, раса Юга. Эти откровения автора нашли полную поддержку со стороны нового руководства Германии и особенно Адольфа Гитлера. С 1935 года «Аненербе» было поручено изучать всё, что касалось духа, деяний, традиций, отличительных черт и наследия «индогерманской нордической расы». Основной целью изучения древней германской истории было научным способом подтвердить превосходство арийской расы.

В 1937 году «Аненербе» переходит под полный контроль рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который интегрировал это общество в СС, подчинив его себе как отдел по управлению концентрационных лагерей. С 1937 года штаб-квартира «Аненербе» стала находиться в городе Вайшенфельд (Бавария). Общество действовало столь успешно, что в январе 1939 года Гиммлер включил его в состав СС уже как отдельную структуру, а его руководители вошли в личный штаб рейхсфюрера.

В дальнейшем общество получило в своё подчинение более полусотни исследовательских институтов, которые занимались поиском древних знаний, позволяющих разрабатывать новейшие технологии, управлять с помощью магических методов человеческим сознанием, проводить генетические манипуляции в целях создания «сверхчеловека». Сотрудниками «Аненербе» широко практиковались нетрадиционные методы получения знаний, когда подопытные с помощью галлюциногенных препаратов и наркотиков вводились в состояние транса для установления контактов с «Высшими Неизвестными», или, как их называли, «Умами Внешними». Использовались и найденные с помощью «Аненербе» старинные оккультные «ключи» (формулы, заклинания и т.п.), позволявшие устанавливать контакт с «Чужими».

Учёные «Аненербе» добились достаточно весомых результатов и в других нетрадиционных областях знаний: в психотронике, парапсихологии, в использовании «тонких» энергий для управления индивидуальным и массовым сознанием и т. п. Солидное финансирование позволило привлечь к научным исследованиям многих первоклассных университетских ученых. По заданию руководства Германии археологами «Аненербе» были произведены раскопки укреплений викингов IX века, состоялись экспедиции в Тибет и на Ближний Восток, позднее осуществлялись исследования и охрана древних поселений и курганов в оккупированных южных частях Украины.

1 января 1939 общество «Аненербе» получило новый статус, которым на него были возложены научные изыскания в области медицины. В целях более тесной связи с военными нуждами рейха в обществе в 1940 году был создан «Институт прикладных военных исследований». С началом Второй мировой войны медицинские исследования нашли своё продолжение в экспериментах, непосредственно проводимых на людях в концлагерях Дахау, Аушвиц (Освенцим), Бухенвальд и других, особенно часто для проведения медицинских экспериментов, связанных с изучением поведения человеческого организма в экстремальных условиях, привлекали совет-

ских военнопленных. Медицинские эксперименты занимали важное место в «научной» работе Института прикладных военных исследований. Так, например, доктор Йозеф Менгеле из концентрационного лагеря Освенцим занимался проблемой увеличения германской нации. В этом аспекте его чрезвычайно интересовали близнецы. Непосредственно под его руководством проводились операции, во время которых предпринимались попытки сшить вместе детей, чтобы создать сиамских близнецов. Однако данный эксперимент не удался. В женском концлагере Равенсбрюк под руководством доктора Герты Оберхейзер сотням молодых и здоровых девушек умышленно наносили раны, доводя до гангрены, или проводили эксперименты по пересадке костей. С целью сокрытия следов чудовищных операций тела «пациентов», как правило, сжигались в печах крематория, а пепел вывозился на поля в качестве удобрения. В Дахау и Бухенвальде проводились исследования по изучению возможностей человеческого организма нормально функционировать в условиях, когда человек для питья использует только морскую воду. Кроме того, в лагере Бухенвальд врачами Хольцленером и Рашером проводились эксперименты по исследованию сопротивляемости человеческого организма к температурам замораживания, а профессор Брандт, один из личных врачей Гитлера, проводил исследования, связанные с проблемами ведения химической войны. Во многих лагерях широко проводились опыты по стерилизации мужчин и женщин. Эсэсовский врач, доктор Адольф Покорный, в одном из своих отчётов писал рейхсфюреру СС Гиммлеру: «... врага необходимо не только победить, но и искоренить. В тех случаях, когда его не нужно убивать, то его следует лишить возможности воспроизводить себя. Сама по себе мысль о том, что три миллиона большевиков, находящихся сейчас в немецком плену, могут быть стерилизованы и в то же время будут пригодны для работы, открывает далеко идущие перспективы». Эти перспективы в конечном итоге выразились в законе о стерилизации, позволявшей германскому государству решать – стерилизовать или не стерилизовать индивида по расовым соображениям.

Экспериментальным материалом при разработке расовой доктрины, являлись узники немецких концентрационных лагерей. Вполне очевидно, что, как и при любом выявлении достоинств одной расы перед другой процесс сравнения не может осуществляться односторонне. Проводимое нацистами концепция «сверхчеловека», в первую очередь была призвана доказать и продемонстрировать уникальные духовные, физические и интеллектуальные возможности и особенности «истинных арийцев».

* * *

– Магия, колдовство, чародейство, заклинания и прочее – это серьёзно? Или так..., – вновь поинтересовался мой друг.

– Это очень серьёзно, Дима! Конечно, в мистику можно верить, можно не верить. Но, если бы речь шла о спиритических сеансах экзальтированных старушек, то это одно дело. А тут магия, мистика и оккультизм стали политикой нацистской верхушки Германии. Поэтому в спиритических сеансах принимали участие высшие чины СС. И вряд ли советская и американская разведки стали бы тратить огромные финансовые средства и физические силы, рисковать своими агентами, чтобы выяснить, что на этих сеансах происходит. Я как-то читал воспоминания ветеранов советской военной разведки, так вот, руководство ГРУ очень интересовали любые подходы к «Аненербе». Помню, мне даже в глаза бросилась одна такая странность. Сейчас почти абсолютное большинство разведывательных операций периода второй мировой войны рассекречено, за исключением тех, которые проводились в отношении «Наследия предков». Даже в нынешнее время всё то, что касается разработок по «Аненербе», по-прежнему, окружено тайной за семью печатями. Несколько лет назад совершенно случайно часть архива «Аненербе» была обнаружена в Москве. Этот, так называемый Нижнесилезский архив, захватили при штурме замка Альтан. Но эти архивные документы лишь малая толика того, что попало

в руки американцев. К тому же, во время одной своей командировки в Германскую Демократическую Республику мне довелось ознакомиться с некоторыми архивными документами Управления имперской безопасности, и что удивительно там был один очень интересный приказ рейхсминистра СС Гиммлера. Этот приказ давал неограниченные полномочия офицерам СС и СД, а также представителям «Аненербе» изымать любую документацию научных лабораторий и любых тайных обществ наряду с архивами специальных служб в каждой из только что захваченных вермахтом стран. Так что, дорогой мой друг, высшее руководство Германии не выглядело безобидными старушками, гадающих на картах или с помощью фарфорового блюда вызывающих души своих предков.

– Прямо фантастика! – воскликнул Сокольников.

– Но это ещё не всё. Для своих спиритических сеансов с «потусторонними силами» Гиммлер привлекал самых опытных медиумов и контактёров. Можно сказать, что некоторые оккультные «ключи» сработали, так как немцами была получена весьма ценная информация техногенного характера, в частности, чертежи и описания «летающих дисков», то бишь, «летающих тарелок». Интенсивные опыты в этой области проводились в концлагере неподалеку от замка Вевельсбург, который являлся штаб-квартирой «Чёрного ордена СС». В этом замке, кстати, проводились мистерии по подготовке прихода на землю некоего «человекобога».

– А «человекобог» – это Гитлер что ли? – не удержался от сарказма Сокольников.

– Он самый! Но дело в том, что «Аненербе» было создано в середине 30-х годов, а Гитлером начали заниматься гораздо раньше. Фюрер был объектом и продуктом другого тайного общества, которое наименовалось «Туле». Гитлер явился всего лишь первым опытом в данной области.

* * *

Во время Нюрнбергского процесса один из обвиняемых Альфред Розенберг, являвшийся главным идеологом фашистского режима в отношении славянского населения по поводу знаменитого «Туле», тайного общества, основанного в 1919 году и ставшего предтечей нацизма, сказал: «Группа Туле? Да все началось с нее. Тайные знания, которые мы сумели там почерпнуть, в гораздо большей степени помогли нам завоевать власть, чем отряды СА или СС. Люди, основавшие это общество, были настоящими магами».

Общество «Туле» представляло собой мистическую полусектанскую организацию. Из её основателей можно выделить несколько человек: барона Рудольфа фон Зеботтендорфа, Германа Поля и Вальтера Наухауза. Все эти люди испытывали нескрываемый интерес к мистике и оккультизму, а именно к Каббале, масонскому ордену Розенкрейцеров. Эмблемой этого тайного общества являлись длинный кинжал и «солнечное колесо» свастики.

Сохранившиеся руководящие документы тайного ордена «Туле» демонстрировали поразительную смесь монархических, антисемитских и ариософских чувств её руководителей: «Вчера мы пережили гибель всего, что было нам дорого, близко и свято. Вместо наших принцев германской крови, у власти – смертельные враги: евреи. Чем грозит нам этот хаос, мы еще не знаем. Но мы догадываемся. Время, которое придет, будет временем борьбы, горьких утрат, временем опасности... И доколе я держу свой железный молот, я клянусь все силы отдать этой борьбе и сражаться до тех пор, пока свастика не воссияет над холодом темноты».

Именно в Гитлере серые кардиналы ордена «Туле» увидели будущего фюрера и окончательно сделали свой выбор в его пользу. Но почему же все-таки был избран именно Гитлер? По мнению руководителей тайного общества, он был склонен к мистике, а значит – внушаем. Обладая явными качествами медиума, Гитлер имел способность воздействовать на аудиторию.

В 1932 году Гитлер принял предложение стать Великим магистром ордена «Туле».

* * *

– Ну, с «Туле» ясно! А как сопрягается наш случай и это «Аненербе»? – наконец, вышел из оцепенения Зеркалович- Романовский.

– Дело в том, что в «Аненербе» учёные также изучали древние тексты с целью разработать методику предвидения грядущих событий и возможности изменения будущего. Основной целью исследований было также не только уничтожение, но и воскрешение человека колдовскими методами, то есть с помощью «учёных» из «Аненербе» руководители фашистской Германии хотели сделать из магии оружие для борьбы за своё расовое превосходство, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.